

ЛЕВ
ШЕЙНИН



СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Лев Шейнин

Старый знакомый

«Алисторус»

УДК 94(47)
ББК 63.3

Шейнин Л. Р.

Старый знакомый / Л. Р. Шейнин — «Алисторус», — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00222-128-8

Повесть «Старый знакомый (Ответный визит)» – рассказ о двух разведчиках: немецком – Гансе Шпейере, карьера которого началась еще до Первой Мировой войны, и советском – Амосове, которому командование поручает смертельно опасное дело. Произведение было написано в 1943 году. В книгу включены рассказы – «Конец «графа Монтекристо»» и «Исчезновение», а так же очерк «Берегись шпионов!» созданные Львом Шейнином в годы Великой Отечественной войны.

УДК 94(47)

ББК 63.3

ISBN 978-5-00222-128-8

© Шейнин Л. Р.

© Алисторус

Содержание

Старый знакомый (Ответный визит)	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лев Шейнин
Старый знакомый
Повести и рассказы

© Шейнин Л. Р., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *



**ТАЙНЫЙ
ФРОНТ**

**ЛЕВ
ШЕЙНИН**

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2023

Старый знакомый (Ответный визит)

Глава 1

Государственные экзамены

В двадцать три года просыпаются разом, весело, с глубокой уверенностью в том, что жизнь превосходна, молодость вечна, хорошее настроение обязательно и естественно. В теле необыкновенная легкость, свежий утренний ветерок проникает через открытое окно в комнату и треплет волосы. Впереди огромный и чуть загадочный летний день, полный всяких приятных и неприятных подробностей. Подробности приятные – отличная погода, вчерашняя улыбка Шуры, свидетельствующая, что ты ей во всяком случае не безразличен, великолепно сданный вчера государственный экзамен по уголовному праву (совершенно дико повезло с билетом) и вообще – самый факт существования. Подробности неприятные – кончаются деньги, растаявшие с почти фантастической быстротой, отсутствие уверенности в том, что сегодняшний экзамен по гражданскому праву пройдет так же благополучно, как вчерашний, и, наконец, предстоящая разлука с Москвой в связи с окончанием вуза и направлением на периферию.

Приблизительно так размышлял студент последнего курса юридического института Плотников в августовское утро 1940 года, проснувшись около восьми часов в своей комнате в тихом замоскворецком переулке, полном солнца, ветвистых лип и старинных купеческих особняков. В этом чисто кустодиевском уголке старой Москвы Плотников поселился с первого курса, приехав в столицу из далекого волжского городка, где он родился и вырос. В Москве у старой тетушки своей Дарьи Михайловны Плотников нашел себе пристанище. Тетушка служила провизором в аптеке, носила старомодное пенсне в черепаховой оправе, была одинока и души не чаяла в племяннике. Она отменно готовила пельмени, очень любила оперу и зачитывалась Бальзаком.

Узнав, что Плотников по окончании института намерен стать следователем, Дарья Михайловна с особым интересом перечитала страницы своего любимого автора, относившись к судебному следователю господину Камюзо, и посоветовала племяннику еще раз прочесть эту книгу.

Плотникова мало интересовал французский следователь Камюзо. Но зато он зачитывался воспоминаниями: Кони, мемуарами известных криминалистов и выпусками «Следственной практики», издаваемыми Прокуратурой СССР, в которых помещались рассказы советских следователей о своей работе.

В прошлом году Плотников проходил производственную практику в прокуратуре. Его прикрепили к народному следователю одного из районов столицы. В течение двух месяцев Плотников выезжал со своим шефом на места происшествий, присутствовал при судебно-медицинских, технических и бухгалтерских экспертизах, участвовал в допросах свидетелей и обвиняемых.

Он понял, что профессия следователя отличается прежде всего огромным многообразием жизненных явлений, событий, человеческих характеров и конфликтов. Плотников убедился, что следователю никогда не следует забывать, что с каким бы делом его не столкнула судьба, – будь то дело о растрате или об уличном грабеже, о хищении государственных средств или об убийстве из ревности, – главное: всегда и за всеми этими делами стоят люди, люди разных возрастов и профессий, с разными характерами, привычками, склонностями и вкусами.

Впечатления, накопленные Плотниковым за два месяца производственной практики, поновому осветили лекции, которые он слушал в институте, книги по методике следствия, кото-

рые он прочел, учебники криминалистики, изученные им. Плотников решил, что по окончании института станет не юрисконсульт, не адвокатом, не судьей, а следователем. Он пришел к выводу, что на юридическом фронте следователи как бы занимают передний край, так как по самому характеру своей работы они первыми сталкиваются с фактом преступления, первыми атакуют преступника.

И вот осталось около недели до того долгожданного дня, когда навсегда отойдут в прошлое годы учебы, новенький диплом будет бережно спрятан в заветном ящике письменного стола и будет получена путевка Прокуратуры СССР в один из районов страны – назначение народным следователем, путевка в жизнь... Зажмурив глаза, Плотников попробовал представить себе эту новую, самостоятельную и такую манящую жизнь. Как же она встретит его? Какой город, какие люди, какие дела ожидают его? Достаточно ли он подготовлен и зрел, чтобы уверенно сесть за следовательский стол, лицом к лицу с преступником? Хватит ли у него познаний, выдержки, терпения, настойчивости, спокойствия, наблюдательности, силы логики, без которых, как говорил на лекции один опытный криминалист, нет следователя, а есть – в лучшем случае – грамотный регистратор преступлений и письмоводитель, фиксирующий чужие показания...

Однако, как плотно ни смыкал он веки, ему так и не удалось ничего разглядеть в своем будущем, хотя и было оно близким. Сегодняшние лучи сегодняшнего солнца, проникавшие сквозь замуренные ресницы, упорно торопили Плотникова ринуться в это свежее утро, весело шумевшее за окном смехом и криками играющих детей, легкими шагами куда-то спешивших девушек, сиренами и фырканьем проносившихся машин и бодрым «физкультурным маршем», гремевшим изо всех репродукторов во всех квартирах дома. Плотников вскочил с постели, быстро умылся, оделся, выпил стакан горячего кофе и, поцеловав тетушку, пулей вылетел на улицу и с головой нырнул в этот ясный, пока еще прохладный августовский день.

В большом мрачноватом зале юридического института уже толпилось, несмотря на ранний час, много народа. Студенты, как шмели, мерно жужжали по углам, экзаменуя друг друга. Сегодня предстоял трудный экзамен – гражданское право. Профессор гражданского права Валентин Павлович Стрельбицкий славился своей строгостью на экзаменах. Профессору было уже за шестьдесят, но он отличался совершенно юношеской влюбленностью в свою науку и в глубине души был твердо уверен, что человек, не знающий основ гражданского права, есть личность, не заслуживающая уважения и во всяком случае не способная к юридическому мышлению. Высокий, сухощавый, не по возрасту стройный, профессор Стрельбицкий, помимо гражданского права, увлекался спортом – летом охотой и спиннингом, зимой коньками и лыжами. На студенческих вечерах он охотно и подолгу танцевал, принимал участие в студенческих вечерах самодеятельности, где отлично читал стихи Маяковского, и вообще дружил со студентами, оставаясь яри этом требовательным преподавателем.

Плотников, как и многие студенты, увлекавшиеся криминалистикой, не очень любил гражданское право. Теория судебных доказательств в уголовном процессе, учение о косвенных уликах, тактика допроса и судебная психиатрия интересовали Плотникова гораздо больше, нежели вопросы опеки, элементы гражданского правоотношения, обязательства по перевозкам и право наследования. Только одно примечание к статье второй гражданского кодекса вызвало восхищение Плотникова, дававшего ему расширенное, почти философское толкование. Это примечание гласило: «Принадлежность следует судьбе главной вещи».

Тем не менее экзамен есть экзамен, и Плотников добросовестно к нему готовился. Два солидных тома учебника гражданского права были им проштудированы и освежены в памяти. Через несколько минут должен был выясниться результат этих усилий.

Уже секретарь государственной комиссии разложил на столе билеты, бумагу и карандаши, а студенты все еще торопливо задавали друг другу вопросы:

– Что такое причинная связь между неправомерным действием и вредом?

- Какова давность по обязательствам из причинения вреда?
- Может ли быть ответственность без вины?

Услышав последний вопрос, Плотников тревожно задумался. Как криминалист он был убежден, что без вины не может идти речь ни о какой ответственности. Но в гражданском праве, увы, что-то в этом роде допускалось. Где и в каких случаях? Плотников решительно, этого не помнил. А вдруг достанется именно этот билет, черт бы побрал это гражданское право! В полном отчаянии Плотников бросился к студенту Кареву, считавшемуся на курсе лучшим знатоком гражданского права и являвшемуся любимцем Стрельбицкого.

– Карев, объясни, метр, что там за чертовщина с ответственностью без вины? – спросил Плотников.

Карев, очкастый, бледный и до отказа напичканный всяческими премудростями по гражданскому праву, посмотрел с нескрываемым презрением на Плотникова и процедил:

– Элементарнейший вопрос, мой милый. Даже на трехмесячных юридических курсах на него отвечают последние тупицы.

– Умоляю! Суть! Корень! Формулу! – почти простонал Плотников, боясь, что сейчас выйдут члены государственной комиссии.

Карев достал белоснежный накрахмаленный, аккуратно сложенный носовой платок, обстоятельно высморкался и отчетливо проскандировал:

– Наряду с ответственностью за ви-нов-ное причи-не-ние вре-да, которое является общим правилом, гражданский кодекс приз-на-ет и ответст-вен-ность без ви-ны. Согласно статьи четырехста четвертой гражданского кодекса, лица и предприятия, дея-тель-ность коих связана с по-вы-шен-ной опас-ностью для окружа-ющих, как-то: железные дороги, трамвай, держатели диких животных, торговцы горючими материалами, лица, возводящие строения, и т. п. – отвечают за вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие неодолимой силы либо умысла или грубой небрежности потерпевшего...

Выпалив одним духом эту фразу, Карев с удовольствием добавил:

– Все. Рекомендую, уважаемый коллега, для усвоения этой статьи разобрать следующие вопросы: во-первых, почему закон в изъятие из принципа вины устанавливает в данном случае ответственность без вины; во-вторых, что означает термин «повышенная опасность»; – и, в-третьих, в каких случаях считается, что вред причинен источником повышенной опасности?

Разозлившись на докторальный тон Карева, Плотников ответил весьма язвительно:

– Признателен за разъяснение. Полагаю, ваше юридическое превосходительство, что если я провалюсь на экзамене, то источником повышенной опасности явится профессор Стрельбицкий, потерпевшим, коему причинен вред, – я, а самой повышенной опасностью будет столь любезное вашему сердцу гражданское право.

Слушавшие этот разговор студенты расхохотались. Рассердившийся Карев ехидно возразил:

– За этот вред, милейший, не придется отвечать, поскольку всем будет очевидно, что он причинен вследствие неодолимой силы, а именно – твоего невежества. Все!

И он с победоносным видом отошел в сторону. Как раз в этот момент в дверях зала показались члены государственной экзаменационной комиссии, в числе которых был и Стрельбицкий.

Ура, все обошлось благополучно! Плотникову достался билет, который был как нельзя более кстати. Речь шла о наследственной трансмиссии, которую Плотников знал хорошо. Он подробно ответил на вопрос, отчеканивая каждое слово и с удовлетворением отмечая довольный блеск в глазах Стрельбицкого.

Через несколько дней Плотников получил новенький диплом в приятно хрустящей серой обложке. А еще через неделю аттестационная комиссия объявила юристу Плотникову, что его

желание посвятить себя следственной работе удовлетворено. Он был направлен в распоряжение Прокуратуры СССР, где и получил назначение народным следователем Зареченского района Энской области. Плотников добивался назначения именно в этот район, на что у него были достаточно веские причины...

В самом конце августа выпускники московских вузов праздновали в Центральном парке культуры и отдыха сдачу государственных экзаменов. Медики и юристы, геологи и политехники, экономисты и филологи собрались в огромном Зеленом театре парка. Чуть душный августовский день догорал над Москвой. С реки доносились веселые голоса купальщиков. В аллеях парка медленно прогуливались пары, не имеющие прямого отношения к госэкзаменам. Это были загорелые спортсмены и щеголеватые молодые летчики, укладчицы с кондитерской фабрики «Красный Октябрь», табачницы с «Дуката» и «Явы», курсанты-танкисты и миловидные чертежницы с ЗИСа.

Плотников сидел в театре в окружении друзей, рядом с Шурой Егоровой, окончившей в том же году ветеринарный институт. Они познакомились около года назад, на студенческом балу в Колонном зале. Стройная большеглазая Шура сразу понравилась Плотникову. В тот вечер они танцевали почти до утра. Потом Плотников провожал Шуру на Стромынку, в студенческий городок, где она жила. Синий рассвет чуть пробивался за краем догоревшей ночи. Было уже слишком поздно для ночных трамваев и слишком рано – для утренних, поэтому шли пешком.

Довольно долгий путь способствовал выяснению разительного сходства вкусов. Оказывается, оба любили театр имени Вахтангова, затем чтеца Антона Шварца, оба «болели» за футбольную команду «Торпедо», из кинорежиссеров предпочитали Ивана Пырьева, из художников – Дейнека, из современных писателей – Валентина Катаева.

Не удивительно, что такое совпадение вкусов привело, как сформулировал Плотников, к «конкретным оргвыводам»: было назначено свидание на следующий, точнее в этот, уже наступивший день; ровно в шесть вечера, под часами Центрального телеграфа.

Справедливость, требует отметить, что как час, так и место свидания, увы, не блистали оригинальностью. Когда, за четверть часа до назначенного времени, Плотников встал на вахту под указанными выше часами, он поразился: не менее дюжины очень похожих на него молодых людей топтались рядом, беспокойно и чересчур часто поглядывая – на часы. И когда с пятиминутным опозданием (что тоже не было оригинальным) появилась Шура с подчеркнуто деловым выражением лица, то впереди нее, сзади и по бокам постукивали каблучками другие девушки, тоже спешившие на свидание.

Так началась дружба Шуры и Плотникова. Они встречались почти ежедневно, и – удивительное дело! – с каждой встречей выяснялась все более насущная необходимость следующей. Теперь их уже занимало не столько сходство, сколько, напротив, расхождение во вкусах. Так, если Плотников утверждал, что лучшая в мире профессия – профессия следователя, то Шура доказывала, что гораздо интереснее быть ветеринаром. Когда Плотников ссылаясь на классическую литературу и приводил в пример одного из своих любимых героев – следователя Порфирия Петровича из романа Достоевского «Преступление и наказание», то Шура холодно замечала, что Порфирий Петрович – судейский крючок и жаба, а творчество Достоевского – реакционное и больное.

Казалось бы, что столь непримиримые противоречия губительно скажутся на только возникших дружеских отношениях, но они, напротив, сыграли положительную роль: при каждом очередном прощании выяснялось, что стороны не исчерпали своей аргументации и потому есть необходимость в новой встрече.

И вот пролетел год, получены дипломы, и они сидят рядом, почему-то держась за руки, на торжественном заседании в Зеленом театре. Плотников только что с очень равнодушным видом сообщил Шуре, что «случайно» назначен в Зареченск, куда, как она ему рассказала

раньше, добилась назначения и Шура, – Зареченск был ее родиной, и там жила ее мать. Шура, выслушав это сообщение, почему-то вспыхнула, но потом еще более равнодушно, нежели Плотников, протянула: «Что ж, это очень мило» – и больше не возвращалась к этому вопросу.

После заседания в парке начался традиционный карнавал. В звездное августовское небо со свистом полетели разноцветные ракеты. В разных концах парка ударили оркестры. На танцевальных площадках поплыли пары. Переполненные рестораны-поплавки были ярко освещены разноцветными фонариками и чуть покачивались на темной притихшей реке. Со всех сторон доносились обрывки песен, взрывы смеха, тосты, восклицания, звон бокалов, стук ножей. Вихрем носились официанты. Все это сливалось с поздравлениями, клятвами в вечной дружбе, взаимными пожеланиями, названиями городов и республик, куда получены путевки, гулками выстрелами пробок от шампанского и здравицами в честь любимых вузов.

Поезд пришел в Зареченск на рассвете. Дымное солнце пламенело в предутреннем мареве только загоравшегося сентябрьского дня. Плотников остановился на небольшом перроне. Красное кирпичное здание вокзала пылало окнами, отражавшими восход солнца. На перроне было пустынно. Прозвучал кондукторский свисток, загудел паровоз, и поезд, в котором приехал Плотников, двинулся вперед с довольным пыхтением, как бы радуясь тому, что покидает эту маленькую станцию.

Пройдя через зал ожидания с деревянными скамейками, на которых спали трое пожилых мужчин, Плотников вышел на привокзальную площадь, где стояли два извозчика.

– Куда изволите? – сразу подошел к Плотникову один из извозчиков, рослый старик с седой бородой клинышком.

– В город, – неопределенно ответил Плотников.

– Понимаю, что в город, – произнес извозчик, – да на какую улицу? Тут ведь не деревня, не одна улица...

– В гостиницу, если есть.

– Как не быть, имеется и гостиница, – весело сказал извозчик. – Тут у нас все имеется, что по штату положено. Театр и тот завели. Живем весело, вот только с овсом худо. Мается наш брат, извозчик, потому что мы вроде как частники считаемся и не даем нам государственного снабжения. Садитесь. До города две версты.

– Как две версты? – удивился, садясь в экипаж, Плотников. – Это почему же?

– Последствия царского режима, – ответил извозчик. – Не сумела тогда городская управа договориться с начальством, которое дорогу строило. Большую взятку то начальство с города затребовало, ну а наши толстосумы и уперлись. Тут начальство озлилось и дорогу на две версты от города отвело: дескать, вот вам, дуракам зареченским! Знайте, когда торговаться и кому отказывать. Эй, мил-лой!

И он стегнул коня кнутом. Колеса вязли в песчаной дороге. Сосны, стоявшие по ее сторонам, золотились в лучах солнца. Утро было удивительно тихим и свежим.

Экипаж вынесло на пригорок, с которого открывался широкий вид на Зареченск и его окрестности. Городок лежал внизу, раскинувшись полукругом по берегу большого озера с маленьким островом посреди. Купол городского собора и множество церковных колоколен розовели в лучах разгоравшегося утра. Серые, темные, красные домики пестрели в окружении садов и огородов. Слева выделялась подкова базарной площади с двумя рядами каменных, пожелтевших от времени рядов и большими санными весами в самом центре площади. За мостом, переброшенным через реку, – вытекавшую из озера, зеленел старинный городской вал, а за озером дымились далекие луга и синел стоящий грядую лес.

– Вот наш Зареченск, – не без гордости произнес извозчик, указывая кнутом на раскинувшийся вид. – Господи боже ты мой, родился я здесь, здесь вырос и седую бороду нажил, скоро и на тот свет – пригласят, а вот красотой этой налюбоваться досыта не могу... Изю всех городов расейских – наилучшее место!

Слушая извозчика, я Плотников залюбовался живописным городком, только начинавшим просыпаться. Кричали петухи, кое-где лаяли собаки, кудреватые дымки вились над крышами. Тихий городок, тихие, поросший травой улочки, тихая, размеренная жизнь.

Мог ли думать Плотников, что в этом тихом городке его поджидают удивительные события, невольным участником которых станет и он, народный следователь Плотников!..

Глава 2

В июне 1911 года

А лет за тридцать с чем-то до того дня, когда Плотников приехал в Зареченск, в городе Брауншвейге, в Германии, был организован традиционный выпускной бал брауншвейгской офицерской памяти фельдмаршала Мольтке школы, который начался ровно в девять часов вечера 21 июня 1911 года.

Едва стрелка часов на остроконечной башне старинного здания городского магистрата коснулась цифры «9» куранты хрипло прозвонили соответственное количество раз, как в распахнутых настежь дверях актового зала появилась группа гостей в сопровождении самого начальника школы – худощавого, чуть прихрамывающего генерал-майора фон Таубе. В огромном белом зале с хорами и лепными колоннами стояли, застыв, как на параде, семьсот воспитанников школы, которым должны были сегодня огласить императорский приказ о производстве восьмидесяти пяти из них в первый офицерский чин германской армии.

Фон Таубе и гости – два генерала и несколько полковников генерального штаба, все в парадной форме, при шпагах и орденах – заняли свои места за длинным столом, покрытым зеленым сукном. Продолжая стоять и храня все то же торжественное молчание, присутствующие выслушали личный приказ кайзера Вильгельма о производстве в офицеры воспитанников школы, окончивших ее в 1911 году.

Торжественный туш заглушил заключительные слова приказа, и официальная часть была объявлена законченной. Воспитанники пяти младших классов были поротно, класс за классом, выведены на вечернюю прогулку, а оттуда отведены в длинные, приготовленные уже к ночи школьные дортуары.

В сопровождении своих командиров и наставников мальчики чинно промаршировали по широкой лестнице вниз, строго по уставу держа равнение налево, старательно и четко печатая шаг.

Воспитанники старших классов и восемьдесят пять только что произведенных офицеров остались в зале, где должен был начаться бал. Из соседних комнат в распахнутые настежь двери хлынули штатские гости, которым имперский воинский устав не разрешал присутствовать при оглашении военного приказа. Это были родители виновников торжества – солидные, полные сознания торжественности момента брауншвейгские бюргеры и окрестные помещики, их чинные пышнотелые супруги, их белокурые и голубоглазые дочери, их родственники, друзья и знакомые.

На хорах грянул медью военный оркестр, испуганно шарахнулась и закачалась освобожденная от чехлов парадная люстра. И пары поплыли в вальсе. Фон Таубе и гости, стоя в стороне, снисходительно наблюдали, как танцует молодежь. Черт возьми, им вспомнилась и собственная молодость, и тот давний выпускной бал в этом самом старом зале, когда виновниками торжества были они сами...

В разгаре бала к фон Таубе быстро подошел адъютант и что-то прошептал ему на ухо. Извинившись перед гостями, фон Таубе проследовал к себе в кабинет. Когда он появился на пороге этой большой комнаты со сводчатыми потолками и тяжелой старинной мебелью, навстречу ему поднялся худощавый человек средних лет в штатском платье.

– Добрый вечер, господин Бринкер, – почтительно приветствовал его фон Таубе.

– Рад вас видеть, мой друг, – чуть покровительственно ответил Бринкер и протянул фон Таубе костлявую руку с множеством старинных перстней на сухих, узловатых пальцах.

Оба сели в кресла друг против друга, лицом к лицу. Бринкер задумчиво жевал потухшую сигару, не торопясь начинать разговор. Он был немногословен, этот Бринкер. Молчал и фон Таубе, отлично усвоивший за долгие годы военной службы золотое правило: никогда

не забегать вперед, разговаривая с начальством. А господин Бринкер, хотя на нем был штатский и притом несколько потертый костюм, безусловно являлся начальством в самом прямом смысле этого слова.

– Как бал? – прервал, наконец, затянувшуюся паузу Бринкер. – Как веселятся ваши питомцы?

– Все идет нормально, – ответил фон Таубе, – отличный выпуск, господин Бринкер. В армию приходит прекрасное пополнение.

– Сегодня их, кажется, восемьдесят пять?

– Совершенно точно, господин Бринкер.

– Меня интересует один из них. Что вы можете сказать о Гансе Шпейере?

Чуть заметная тень пробежала по лицу фон Таубе. Дело в том, что Ганс Шпейер приходился ему племянником, а фон Таубе хорошо знал, что еще никогда ведомство, представляемое господином Бринкером, не интересовалось кем-либо бескорыстно. Фон Таубе хотел, чтобы его племянник был офицером, и вовсе не желал ему карьеры по ведомству господина Бринкера.

– О чем вы задумались? – медленно произнес Бринкер, и на мгновение какое-то подобие улыбки появилось на его бесстрастном лице. – Вы задумались? Или вы затрудняетесь дать характеристику своему племяннику? Ведь, если не ошибаюсь, Ганс Шпейер приходится вам племянником?

Фон Таубе мысленно чертыхнулся. Бринкер, как всегда, был отлично осведомлен. Было бы гораздо лучше, если бы он не знал, что Шпейер племянник фон Таубе. Но теперь уже не было выхода, тем более что в последних словах Бринкера был явный намек, звучавший почти как угроза.

– Здоров? – отрывисто спросил Бринкер.

– Да, – ответил фон Таубе, – увлекается спортом, в меру горяч, но не теряет самообладания. Ему сейчас двадцать лет, он одаренный мальчик. Отлично учился и окончил школу одним из первых...

– Воля?

– Мне трудно так подробно ответить на все ваши вопросы, но полагаю, что и с этой стороны все обстоит вполне благополучно.

– Пьет? Любит женщин?

– И то и другое в меру. Шпейер мечтает о военной, чисто военной карьере. Чрезвычайно интересуется аэропланами.

– Очень хорошо. Нас тоже интересуют аэропланы. Очень хорошо. Вот что, пришлите его сейчас ко мне.

Фон Таубе вышел из кабинета и остановился на пороге актового зала. Разгоряченные танцем пары вихрем пронеслись мимо него. Юные лейтенанты в серых парадных мундирах почти поднимали в воздух своих дам. Блистающая на хорах медь оркестра как бы низвергала из широко разинутых труб водопады звуков, волны которых захлестывали зал.

Но вот в этой пестрой, быстро плывущей толпе мелькнуло молодое лицо с крепкими скулами, глубоко сидящими глазами и несколько тяжелым подбородком. Это и был Ганс Шпейер. Уверенно и ловко он кружил свою даму, влюбленно смотревшую на него. Когда они поравнялись с фон Таубе, тот чуть заметно прикоснулся к плечу Шпейера. Шпейер ответил ему легким кивком и, извинившись перед своей дамой, покинул ее. Подойдя к фон Таубе, юноша щелкнул каблуками и вытянулся, глядя прямо в глаза своему дяде и начальнику.

– Я слушаю, господин генерал-майор, – произнес он привычные слова.

– Пройдите в мой кабинет, – тихо сказал фон Таубе. – Там ждет вас господин, который хочет с вами поговорить. Помните, что, несмотря на штатское платье, это представитель высшего командования.

И, не ожидая ответа, фон Таубе прошел в буфетную. Он не хотел присутствовать при разговоре своего племянника с господином Бринкером.

А разговор этот затянулся на три с лишним часа. Шпейер, в соответствии с полученными указаниями, держался очень почтительно. Человек в штатском начал с расспросов о детстве Ганса, о его школьных успехах, привычках, интересах и даже шалостях. В ходе разговора наблюдательный Ганс заметил, что почти все, что он мог рассказать о себе, уже было известно этому спокойному, сухому человеку в штатском, который вот сейчас сидит против него, неторопливо задает вопросы, внимательно его разглядывает. Да, у него было странное лицо, у этого человека в штатском. Взгляд холодный и вместе с тем очень пристальный, цепкий. Очень спокойно и почти флегматично задавая вопросы, он в то же время непрерывно облизывал тонкие губы, и было в этой привычке что-то беспокойное, настороженное и злое. Пытаясь изредка улыбаться, он чисто механически раздвигал свои узкие губы, но глаза при этом не смеялись и сохраняли свой тусклый, рыбий блеск, а лицо оставалось таким, как было: флегматичным и плоским. И тогда становилось очевидным, что улыбка эта не только не имеет никакого отношения к тому, о чем он сейчас думает, что чувствует и чего хочет, а, напротив, имеет своим назначением все это скрыть от собеседника.

Уже в самом конце разговора господин Бринкер сказал:

– Пора, лейтенант, раскрыть карты. Я – заместитель начальника разведывательного управления генерального штаба. Мы следим за вами с первого класса, с момента вашего зачисления в школу. Нам известно о вас гораздо больше, чем вам самому. Вот приказ о том, что вы откомандированы в мое распоряжение. Завтра утром вы покинете Брауншвейг и поедете в Веленберг. Это маленький городок в долине Рейна. Там наша секретная школа. Еще два года вы будете учиться, лейтенант. У вас подходящая для будущего амплу внешность. Дело в том, что вы будете работать в России, эти скулы, этот прямой нос, весь этот славянский облик еще пригодятся вам, лейтенант. И нам тоже. По русскому языку у вас отличная отметка. Но вы будете работать над ним еще два года. Вы должны научиться не только превосходно владеть им, но привыкнуть даже и думать по-русски – я хочу сказать, на русском языке. А через два года вы поедете в Россию. Теперь вы понимаете, как высоко мы вас ценим, как серьезно на вас надеемся и как много от вас ждем...

Глава 3

Через тридцать лет

До революции Зареченск был глухим городком, стоявшим вдали от железнодорожных узлов, на боковой ветке. В городке этом не было ничего примечательного, кроме большого озера и древней церковки, прославленной тем, что некогда в ней как будто венчался Александр Невский. Когда-то, очень давно, Зареченск стоял на великом торговом пути «из варяг в греки» и бойко торговал льном, рыбой, пушниной и другими товарами. Но потом стремительно возникли новые, гораздо большие города, открылись иные торговые пути, почти вывелся в окрестных лесах ценный пушной зверь, и городок быстро состарился и заглох.

Уездная жизнь тянулась нудно и размеренно, недели уходили за неделями, привычно сливаясь в месяцы и годы, а зареченцы жили все в том же сонном покое, занимаясь огородничеством и нехитрыми местными промыслами: бочарным и кожевенным делом, валянием шерстяной обуви и изготовлением расписных извозчичьих дуг.

Воскресными вечерами старики любили собираться на завалинках и пережевывать примечательные события зареченской хроники. Любили вспоминать о том, как покойный земский начальник Валерьян Павлович Харинский, большой любитель попариться в бане, имел обыкновение прямо с пару выскакать голым на мороз и в этом виде нырять в снежные сугробы, после чего он незамедлительно возвращался в раскаленную баню и там вновь начинал париться. И о том, как однажды, прикончив в дымном предбаннике жбан домашней «смоудиновой», земский начальник выбежал во двор, свалился в сугроб и там, бедняга, заснув, окоченел.

Старожилы любили также вспоминать рассказы дедов о том, как Наполеон Бонапарт, заняв Зареченск в 1812 году, поставил в церкви Николая-угодника, что стоит и поныне за городским валом, своего любимого коня и как конь этот ночью невесть отчего издох, а император после этого пятеро суток не ел, молча сидел на берегу озера и даже хотел отменить поход на Москву.

Одним словом, было о чем посудачить зареченским старожилам.

Революция пришла в Зареченск в лице балтийского матроса Дубяго, прибывшего в город с аршинным мандатом, в пять дней наведшего порядок, ликвидировавшего местную буржуазию, переименовавшего главную улицу – бывшую Миллионную – в улицу Мирового пожара и, между прочим, женившегося на первой городской красавице Зиночке Туфановой.

Несколькими годами позже в Зареченск прибыли инженеры и строители; вокруг города выросли два комбината: деревообделочный и фанерный. За ними возникла большая спичечная фабрика, и старый, тихий Зареченск стал хоть и не слишком крупным, но все же промышленным городом.

Зареченск сразу как бы ожил и помолодел. Начала издаваться газета. Появился городской клуб. В несколько лет были построены новые, красивые здания. В городе появилось электрическое освещение. На Базарной площади начали строить универмаг.

Одним словом, жизнь приобрела другой характер, другой стиль и размах.

Удивительные события, о которых пойдет речь дальше, начались в Зареченске 21 июня 1941 года с мирного и, казалось бы, незначительного происшествия: в эту субботу в городе было назначено открытие универмага, выстроенного на Базарной площади.

В два часа дня зареченцы собрались у нового здания, с нетерпением ожидая его открытия. Начальник раймилиции товарищ Петухов убедительно призывал граждан к всемерному спокойствию. Витрины универмага были закрыты полотняными маркизами. Еще накануне вечером за этими маркизами кипела лихорадочная работа. По замыслу директора универмага, товарища Бессмертного, центральная витрина, отведенная под мебельную секцию, должна

была потрясти воображение зареченцев. В этой витрине, получившей наименование «счастье молодоженов», товарищ Бессмертный поставил роскошную кровать с никелированными шпиками, покрытую голубым стеганым одеялом, ночной столик, на котором сияла лампа под розовым абажуром, и полированный древтрестовский шкаф-шифоньер с зеркалом.

И вот по знаку, который подал председатель райисполкома товарищ Максимов, полосатые маркизы медленно поползли вверх, и витрины универмага раскрылись одна за другой. Когда, наконец, дрогнув, как театральные занавесы, взвилась вверх маркиза, закрывавшая центральную витрину, толпа разразилась безудержным хохотом: уютно завернувшись в роскошное голубое одеяло и разметав по белоснежной подушке рыжие спутанные кудри, сладко спал на кровати известный всему Зареченску Васька Кузьменко, первый в городе озорник и лучший актер местного драмкружка.

Увидев эту картину, товарищ Петухов со стоном ринулся в универмаг. Лицо товарища Бессмертного приобрело от естественного волнения неестественный фиолетовый оттенок. Толпа покатывалась со смеху.

Между тем товарищ Петухов, как неизбежный рок, ворвался в «счастье молодоженов». Схватив Ваську за пятку и стащив его таким образом с кровати, он опустил маркизу, явно не желая посвящать собравшихся граждан в тайны судопроизводства. Впрочем, через несколько минут он вывел Ваську на площадь, лично конвоируя его в милицию. Необходимо отметить, что Васька, по-видимому, не был особенно удручен этим, так как, едва появившись в подъезде универмага, он послал воздушный поцелуй толпе и даже сделал ей приветственный знак рукой.

Прибыв в раймилицию и сдав злоумышленника своему заместителю с кратким, но внушительным указанием «оформить дело по 74-й и до суда не выпускать», Петухов хотел было вернуться на площадь, но в дверях столкнулся с зареченским старожилом, районным землеустроителем Иваном Сергеевичем Шараповым.

Ивана Сергеевича знал и уважал весь город. В Зареченске он появился давно, еще в 1919 году. Он был лыс, худощав и добродушен. В городе он был популярен как организатор и руководитель местного драмкружка, которому Иван Сергеевич с увлечением отдавал все свое свободное время.

– Здравствуйте, товарищ Шарапов, – приветствовал его Петухов. – Рад вас видеть, но тороплюсь по делам службы: открытие универмага. Васька Кузьменко, сукин, сын, слышали, чего натворил?! Нет, каков каналья!..

– Я к вам как раз по этому делу, – произнес Шарапов. – Вы его сюда привели, и, признаться, опасаясь, что не зря...

– Арестован по семьдесят четвертой статье, – коротко разъяснил Петухов. – Хулиганство, то есть озорные действия, сопряженные с неуважением к обществу, в злостных случаях карается...

– Знаю, батенька, чувствую, что карается, потому и прибыл, – произнес, волнуясь, Шарапов. – Беспokoюсь, как бы сие юбилей не покарало, вот почему я за вами бежал... Это в мои то годы, да при моем сердце...

– Какой юбилей? – спросил Петухов.

– Юбилей драмкружка, – ответил Шарапов. – Сегодня, дражайший, ему ровно десять годков стукнуло. В городском клубе будет торжественный вечер. Небось забыли? Новая постановка показывается – «Свадьба Кречинского». Я в ней играю Расплюева, а Вася – Кречинского. Вы уж меня извините, но придется Васю освободить всенепременно, уважаемый товарищ Петухов. Озорству его не сочувствую, как и вы, поведением Кузьменко возмущен, против законной кары не возражаю, но на освобождении, хотя бы на сегодня, настаиваю.

Товарищ Петухов задумался. Он совсем забыл про сегодняшний юбилей. В городе любили драмкружок, да и сам Петухов, говоря между нами, был большой поклонник сцениче-

ских искусств. А Васька, хотя и являлся личностью озорной и даже, по глубокому убеждению товарища Петухова, социально-опасной, чувствовал себя на сцене так же просто, как в витрине универмага.

– А заменить его разве нельзя? – неуверенно спросил Петухов.

– Категорически и абсолютно! – с жаром ответил Шарапов. – Роль ответственная, большая. А Вася, злодейская его душа, поверьте – талант! Сумбатов-Южин!..

Товарищ Петухов, услышав про Южина, не выдержал, вздохнул и отдал распоряжение об изменении меры пресечения. Ваську освободили, взяли с него подписку о невыезде, причем предварительно ему было разъяснено, что если бы не роль Кречинского, сегодняшний юбилей и уважение к Ивану Сергеевичу, то сидел бы он до суда «по всей форме и на законном основании».

– Не усматриваю в действиях своих состава преступления, – нахально ответил Васька. – Нет такого закона, чтобы нельзя было творческому работнику отдохнуть перед выступлением. Я, товарищ Петухов, должен разъяснить вам, что лепить образ – это не протокол составлять... Вы придете в театр и смеяться будете, а мне, может быть, роль Кречинского в муках далась... Я никого не оскорбил, ничего не украл, старуху не зарезал, я только организованно выпался. И все!

– Ступайте, обвиняемый. Я не намерен вступать с вами в дискуссии, – холодно ответил товарищ Петухов. – После спектакля мы вернемся к этому криминальному вопросу. А уж насчет состава преступления не вам говорить. При вашем образе жизни пора бы уже знать уголовный кодекс наизусть.

– Не понята душа поэта, – туманно выразился Васька и весело вышел из милиции в сопровождении товарища Шарапова.

Выручив таким образом Ваську Кузьменко и напомнив ему о необходимости явиться в городской клуб ровно к девяти часам, Иван Сергеевич направился домой.

Он жил за городским валом, на боковой улочке, обсаженной березами и заросшей зеленой высокой травой, на которой играли дети. Его маленький деревянный домик стоял в самом конце этой улицы. Иван Сергеевич жил в нем вдвоем со своей внучкой Тамусей, которая осталась у него после смерти дочери, скончавшейся в 1933 году от туберкулеза. Тамусе исполнилось уже девять лет, она была пионеркой и училась в зареченской школе-десятилетке.

Иван Сергеевич нежно любил свою внучку. Весь город восхищался тем, как внимательно и умело старик воспитывает девочку. И в самом деле, это была трогательная пара – девятилетняя Тамуся и ее старый добродушный дедушка.

Придя домой, Иван Сергеевич стал собираться на спектакль. Он очень увлекался драмкружком, в котором одновременно героически нес обязанности главного режиссера, заведующего репертуаром, художника и ведущего актера. В Зареченске не было профессионального театра, и горожане были благодарны Шарапову за его труды. После каждого спектакля его неизменно вызывали и устраивали ему овацию. Иван Сергеевич выходил смущенный от волнения, по-стариковски неловко раскланивался. И было во всем его облике, в этих морщинах на лице, в застенчивой улыбке и в блестящих от волнения глазах, что-то удивительно привлекательное и располагающее.

– Чеховский персонаж, – сказал о нем как-то рецензент местной газеты Рассветов. – И мягкость в нем какая-то чеховская...

По странному стечению обстоятельств торжественный юбилей зареченского драмкружка начался ровно через тридцать лет после описанного нами выше выпускного бала брауншвейгской офицерской школы, в тот самый день и даже в тот самый час – 21 июня 1941 года.

Юбилей начался с короткого заседания, на котором председатель райисполкома товарищ Максимов произнес речь. Отметив значение драмкружка и личные заслуги в этом деле Ивана Сергеевича, Максимов сказал:

– Мы долго думали, как отметить плодотворную деятельность Ивана Сергеевича на ниве, так сказать, просвещения. И поскольку нам стало известно, что он является страстным радиолобителем, мы решили преподнести ему радиоприемник как скромное выражение нашей признательности.

При этих словах товарища Максимова оркестр сыграл туш. Заведующий городским клубом незамедлительно вынес на сцену трехламповый, так называемый «колхозный» приемник, который и вручил Ивану Сергеевичу под дружные аплодисменты всего зала, Иван Сергеевич произнес ответную речь. Как всегда, немного сутулясь, он вышел к рампе и взволнованно поблагодарил товарища Максимова и всех собравшихся за оказанное ему внимание.

Потом драмкружок показал «Свадьбу Кречинского», причем Иван Сергеевич отлично исполнил роль Расплюева. В ударе был и Васька Кузьменко – Кречинский. Спектакль прошел с успехом, публика осталась довольна. После спектакля начались танцы.

Было уже поздно, когда Иван Сергеевич вышел из подъезда клуба. Тихо шелестел теплый июньский дождь. Из Заречья доносился залиvistый собачий лай. Под ногами после недавнего ливня тяжело вздыхали и чавкали лужи. Городок был уже погружен в сон. Тусклый фонарь, качаясь от резких порывов ветра, бросал на мокрую мостовую колеблющиеся пятна света. Иван Сергеевич поднял воротник пальто и, прижав к груди преподнесенный ему приемник, потихоньку поплелся к себе домой.

Добравшись до дому, старик открыл своим ключом калитку и тихо, стараясь не разбудить спящую внучку, прошел в свою комнату. Затем Иван Сергеевич, не зажигая света, сел в кресло и устало вытянул ноги. В темноте четыре раза прокуковали старинные часы. Было ровно четыре часа утра. Спать, однако, не хотелось, и старик продолжал сидеть, перебирая в памяти детали сегодняшнего дня. К нему незаметно подбиралась дремота.

Внезапно страшный грохот ворвался в нагретую домашнюю тишину. Дом дрожал. Иван Сергеевич бросился к окну. Огромное пламя бушевало в стороне зареченского вокзала, расположенного в двух километрах от города. Еще несколько сильных взрывов донеслось оттуда. По улице, крича, бежали разбуженные люди. Тревожно мычали в хлевах обеспокоенные коровы. Тамуся проснулась и с криком: «Что это, дедушка?» – бросилась к старику.

Но Иван Сергеевич и сам не понимал еще, что случилось. Он выбежал на улицу и, стоя у своего палисадника, увидел, как все больше разгорается пламя в районе вокзала. Один за другим раздались еще несколько взрывов. Вдруг на фоне багрового от пожара неба показался черный, костлявый силуэт самолета, который пикировал на вокзал. Снова взрыв, и снова столб пламени. Сомнений не оставалось – бомбили район вокзала. Война!

Иван Сергеевич бросился к себе и лихорадочно включил свой самодельный старенький приемник. Все германские радиостанции передавали речь Гитлера, который, сыпля проклятия и угрозы, хрипло кричал о войне.

В эту ночь гитлеровская Германия напала на Советский Союз.

Глава 4

Война

Никогда не сотрется в нашей памяти первый день войны. В это воскресенье – 22 июня 1941 года – родина слушала речь Молотова, объявившего о коварном и неожиданном нападении Германии на Советский Союз. На сразу притихших площадях больших городов, на заводских дворах и в парках санаториев, в Москве и на Камчатке, в якутской тундре и в Кахетии десятки миллионов советских людей, затаив дыхание, стояли перед радиорепродукторами. Вставшая в это утро для мирного отдыха страна узнала о начале войны.

Мы никогда не забудем, как в несколько минут изменилось в тот день лицо родины, как сосредоточенны и суровы стали вдруг лица людей, как совершенно по-иному пошла, завертелась жизнь.

И маленький Зареченск, как тысячи других советских городов, как вся страна, не растерялся, не дрогнул. Уже с утра городские жители помогали железнодорожникам восстанавливать разрушенные ночной бомбежкой пути, вокзальные пакгаузы и депо. В городе и в районе в образцовом порядке проходила срочная мобилизация. Колонны грузовых машин потянулись к военным складам, расположенным за озером. На фанерном и дерево-обделочном комбинатах уже через два дня вступил в действие график военного производства и заработали военные цехи. К вечеру перешли на казарменное положение только что созданные команды ПВО.

Начались военные будни. Радио непрерывно приносило в Зареченск суровые сводки первых дней войны, правительственные указы, международные новости, инструкции противоздушной и химической обороны.

Зареченск приобрел особое значение как один из пунктов, в районе которых сосредоточивались военные материалы и запасы для фронта. По железной дороге через Зареченск сплошным потоком пошли к границе военные грузы. Наконец, в районе Зареченска были дислоцированы и людские резервы фронта, ожидавшие направления в действующую армию, на передний край нашей обороны.

Все это вместе взятое превращало Зареченск в важный с военной и стратегической точки зрения пункт.

Жители города были предупреждены о необходимости строго хранить военную тайну, о возможности выброски вражеских парашютно-диверсионных групп, о повышении бдительности в быту и на работе. Через несколько дней были созданы в городе и районе специальные истребительные отряды для вылавливания шпионов, диверсантов и лазутчиков врага. Вскоре в одном из сельсоветов удалось задержать группу подозрительных лиц, неизвестно откуда и как появившихся в этом районе и проявлявших чрезмерный интерес к местонахождению военных складов. Позднее оказалось, что все эти лица – немецкие парашютисты, выброшенные со специальными заданиями.

Через несколько дней колхозницы Гремяченского сельсовета случайно обнаружили в лесу несколько плохо замаскированных парашютов, владельцы которых успели куда-то скрыться. Организованная для их поимки облава не дала никаких результатов. По-видимому, эта группа парашютистов успела перебраться в соседний район.

В эти же дни на фанерном комбинате ночью был произведен поджог большого склада готовой авиационной фанеры. Благодаря бдительности одной из работниц, заметившей легкий дымок, удалось вовремя предотвратить пожар. При этом обнаружилось, что к заднему крыльцу склада чьи-то ловкие руки успели предусмотрительно натаскать охапки соломы, несколько смоляных факелов и шашки тола.

Как всегда бывает в таких случаях, слухи об этих происшествиях распространялись с невероятной быстротой, обрастая все новыми и подчас совершенно фантастическими подробностями. Зареченцы с волнением обсуждали эти факты.

И как раз в это тревожное время случилась беда с внучкой Ивана Сергеевича. Беда началась с летних школьных экзаменов. Тамуся в течение учебного года отставала по русскому языку. Старушка учительница Анастасия Никитична Егорова, прожившая в Зареченске всю свою жизнь, несколько раз обращала внимание Шарапова на плохие отметки его внучки в последнее время. Иван Сергеевич поговорил с Тамусей, и она обещала ему подтянуться и после летних каникул сдать экзамен по русскому языку.

В тот августовский день, когда был назначен этот экзамен, Ивана Сергеевича вызвали в один из сельсоветов. Тамуся на экзамене провалилась. Анастасия Никитична перед всем классом побранила девочку, сказала, что вопрос о ней будет поставлен в пионерском отряде и что, по всей вероятности, ей придется снять красный галстук.

Самолюбивая Тамуся заплакала. Когда все дети разошлись по домам, она осталась в школе и, закрывшись одна в классе, начала что-то писать. По-видимому, это было какое-то важное письмо, потому что она несколько раз его переписывала, а затем пошла в школьную сторожку и попросила у сторожа красных чернил.

– Дядя Сеня, – сказала она, – дай, пожалуйста, немного красных чернил. В классе у нас только фиолетовые, и они сильно клякнутся, а мне надо написать очень важное письмо.

– Дома пиши! – заворчал дядя Сеня. – Уже давно все ученики разошлись, а ты все тут торчишь...

Но чернила он все же ей дал. Тамуся налила их в чернильницу, снова села за парту и принялась за письмо. Но ей не везло: через две-три минуты она случайно опрокинула чернильницу. Красные чернила залили парту и часть письма. От неожиданности Тамуся вскрикнула. Дядя Сеня, убиравший в соседнем классе, пришел на крик и увидел залитую чернилами парту. Вдвоем с Тамусей они стали приводить парту в порядок, после чего рассердившийся старик потребовал, чтобы девочка «сей же минут очистила помещение». Захватив испачканное письмо, Тамуся ушла домой.

А на следующий день утром в кабинет районного прокурора Игната Парфентьевича Волкова прибежал Иван Сергеевич. Вид у старика был ужасный, глаза его блуждали. Сотрясаясь от рыданий, он с трудом сообщил прокурору, что Тамуся ночью повесилась, не выдержав оскорблений, публично нанесенных ей учительницей Егоровой.

– Вот и письмо ее, – рыдая, сказал Иван Сергеевич. – Вот тут все написано... Голубка моя!..

Прокурор взял письмо. На большой листе бумаги, залитом с краю красными чернилами, было написано:

«Анастасия Никитична! Вы жестоко обидели и оскорбили меня перед всем классом!.. Я никому не позволю снять с себя красный галстук, и если бы это случилось, я не стала бы больше жить...»

Глава 5

Следователь Плотников

Плотников принадлежал к числу начинающих, романтически настроенных следователей, рассматривающих свою профессию как источник неисчерпаемых возможностей распутывания загадочных преступлений и раскрытия сложных конфликтов и человеческих драм. Еще в институте Плотников мечтал о том, как он, став, наконец, следователем, раскроет десятки «замечательных» дел, проявит изумительное проникновение в тайники человеческой души и прослышет грозой преступного мира.

И вот Плотников – народный следователь в Зареченске. После шумных улиц Москвы, великолепных театров, после веселых студенческих вечеринок – маленький, тихий городок, сонное озеро, деревянные домишки, прочно устоявшийся провинциальный быт.

На работе в районной прокуратуре – неизменно спокойный пожилой, добродушный прокурор Игнат Парфентьевич Волков, большой любитель рыбной ловли. Дела – две растраты в сельпо, разбазаривание горючего в МТС, хищение пшеницы на пункте Заготзерна. Все!

– Где же «настоящие» дела? Где запутанные убийства, дерзкие ограбления, крупные хищения? – уныло спрашивал Плотников у прокурора в первые месяцы своей работы.

– Типун тебе на язык, батенька, – со смехом отвечал Игнат Парфентьевич. – Второй год, как в районе не было ни одного убийства! И прекрасно! Вообще преступность у нас – тьфу, тьфу, не сглазить! – сильно пошла на убыль... Порядок в районе приличный.

– Какой же это порядок, – в искреннем отчаянии восклицал Плотников, – когда нет ни одного хорошего дела? Порадоваться нечему. Одна рыба – мелочь.

Но Игнат Парфентьевич в ответ только добродушно посмеивался, и лишь один раз он рассердился и накричал на Плотникова.

Впрочем, вскоре после своего приезда Плотников еще крепче подружился с дочерью учительницы Егоровой, молодым ветеринарным врачом Шурой Егоровой. Справедливость требует отметить, что после нескольких лодочных прогулок по озеру в обществе Шуры следователь Плотников заметно повеселел и перестал жаловаться на отсутствие «настоящих» дел.

Районный прокурор, очень внимательно следивший за настроениями и бытом своего следователя, был, конечно, в курсе личных дел Плотникова. Как человек тактичный, он никогда на эту тему не разговаривал и лишь слегка посмеивался себе в усы, когда Плотников по вечерам срочно покидал свой кабинет, ссылаясь на «приступ острой головной боли». Успевший искренне привязаться к молодому следователю, Игнат Парфентьевич считал про себя, что Шура – «девица правильная», и вообще она с Плотниковым пара подходящая.

В Зареченске был только один следователь. И прокурор, отлично понимавший всю щекотливость создавшейся ситуации, все же скрепя сердце был вынужден поручить дело о самоубийстве Тамуси Плотникову.

– Придется тебе, – коротко сказал он, делая вид, что не замечает умоляющего взгляда Плотникова. – Больше некому.

– Невозможно это, Игнат Парфентьевич, – произнес Плотников с отчаянием. – Невозможно это по многим обстоятельствам. Ведь Шарапов обвиняет учительницу Егорову в доведении до самоубийства его внучки!

– Ну и что же? – прикидывался непонимающим прокурор. – Дело как дело.

– Да ведь учительница Егорова – мать Шуры, – с трудом выдавил из себя Плотников.

– Дочь за мать не отвечает, – ответил Игнат Парфентьевич.

– Но как же я могу вести дело о матери своей невесты! – почти закричал Плотников. – Ведь для вас не секрет, что я и Шура...

Волков задумался и отошел к окну. Потом он посмотрел на Плотникова и тихо сказал:

– Милый мой, я все знаю, как есть все. Но выхода нет. Кроме тебя, вести дело больше никому. Виновата старуха – будешь ее привлекать. Не виновна – прекратишь дело. Только и всего. В твоей объективности я не сомневаюсь.

– Неэтично. И потом, как я буду смотреть в глаза Шуре?!

– Смотри, как ни в чем не бывало, – ответил прокурор. – Девушка она умная, тактичная. Сама поймет, что служба – прежде всего. Одним словом, милый, приступай.

И Плотников приступил. Как полагается, он прежде всего осмотрел труп и место происшествия. На худеньком лице мертвой девочки застыли широко, как бы в ужасе, открытые глаза. Никаких признаков насильственной смерти при наружном осмотре не оказалось. Записка самоубийцы была написана ею собственноручно. Это в дальнейшем подтвердила и графическая экспертиза.

Оставалось произвести судебно-медицинское вскрытие трупа. Плотников задумался. Дело в том, что в Зареченске не было судебно-медицинского эксперта. Пришлось поручить вскрытие местному хирургу, доктору Осипову.

Врач в присутствии Плотникова произвел вскрытие и написал заключение, согласно которому:

«Смерть покойной Тамары Шараповой, 9 лет, наступила вследствие асфиксии, последовавшей в результате наложения петли на шею покойной. Отсутствие ран, царапин и иных признаков борьбы и насилия в сочетании с запиской, оставленной покойной, приводят к заключению, что в данном случае имело место самоубийство».

Закончив эти формальности, следователь приступил к допросам. Иван Сергеевич подробно рассказал Плотникову об обстоятельствах, при которых он обнаружил рано утром случившуюся беду. По его словам, еще накануне ночью, поздно придя с работы, он застал Тамусю в ее комнате. Она что-то писала за столом и, когда он вошел в комнату, быстро перевернула исписанный листок. Он спросил девочку, почему она не спит. Тамуся ответила, что ей надо повторить уроки. Иван Сергеевич сказал, что уже поздно, и приказал Тамусе ложиться спать, а сам пошел в свою комнату, разделся и лег в постель. Утром, проснувшись, он зашел к Тамусе и застал ее в петле. Тело девочки уже остыло, и признаки трупного окоченения были налицо. На столе лежала ее предсмертная записка.

– Это был тот же листок, который вы видели накануне? – спросил Плотников.

– Да, – ответил Иван Сергеевич, – безусловно, это был тот же листок. Я хорошо запомнил его формат.

– Значит, вы уверены, что Тамуся писала эту записку дома, когда вы ее видели в последний раз?

– Безусловно, – ответил Шарапов. – В этом можно не сомневаться. Именно потому она и перевернула записку.

К концу допроса старик разволновался и заплакал.

– Простите меня, товарищ следователь, – говорил он Плотникову, всхлипывая и сморкаясь, – но поймите: ведь я теперь один на белом свете. Один у меня был свет в окне – моя Тамуся... И вот теперь ничего не осталось. Холодная, одинокая, страшная старость... Старость, которую ничем не согреть...

Плотникову было от души его жаль. Иван Сергеевич очень изменился за эти дни. Он как-то сразу поник, осунулся и постарел. Его неизменно добродушное, приветливое лицо потеряло свою обычную жизнерадостность, глаза ввалились, щеки отекали. Во всем облике Ивана Сергеевича, в его потухшем взоре, в скорбных складках его рта, в частых слезах сквозило неподдельное большое горе.

И Плотникову было понятно, почему убитый горем старик с такой настойчивостью – добивался привлечения к ответственности учительницы Егоровой, которую он считал виновницей гибели Тамуси.

Он требовал ареста Егоровой, показательного суда над ней и строгого наказания.

– Это человек в футляре! – взволнованно говорил он Плотникову. – Это она, старая ведьма, довела Тамусю до петли! Она затравила ребенка! Весь город знает, что Тамуся была здоровой, жизнерадостной девочкой... Я требую суда! Я требую наказания!

– Ну, успокойтесь, Иван Сергеевич, – отвечал Плотников. – Поверьте мне, все будет объективно исследовано и проверено, все станет ясно.

И в самом деле, он добросовестно, с полной объективностью продолжал расследование этого дела, которое в его реестре значилось как «Дело № 187 по обвинению гр-ки Егоровой А.Н. в доведении до самоубийства пионерки Тамары Шараповой».

Глава 6

Похороны

Похороны Тамуси состоялись через два дня после патологоанатомического вскрытия. За гробом на кладбище шли Иван Сергеевич и его друзья, школьные товарищи Тамуси и несколько педагогов. Пошел на похороны и Плотников.

На кладбище, возле могилы, перед тем как гроб опустили в землю, Иван Сергеевич не выдержал и зарыдал. Бросившись на маленький гробик, он судорожно вцепился в него руками. Кто-то из присутствующих с трудом оторвал старика от гроба и отвел его в сторону. Когда гроб уже был опущен в могилу, в кладбищенских воротах показалась Анастасия Никитична Егорова. Она опоздала на похороны и торопилась, чтобы успеть проститься с Тамусей. Старуха уже знала о том, что Иван Сергеевич обвиняет ее в гибели своей внучки. Без конца припоминая подробности своего разговора с Тамусей, Анастасия Никитична никак не могла согласиться с тем, что это могло толкнуть девочку на самоубийство. Анастасия Никитична учительствовала сорок с лишним лет. Она отлично знала детскую душу и хорошо учила своих учеников. Тамуся была здоровой, жизнерадостной, немного ленивой, но безусловно способной девочкой. Выговор, сделанный ей учительницей, по мнению Анастасии Никитичны, никак не мог привести ее к самоубийству. Анастасия Никитична любила Тамусю, как и всех своих учеников. Узнав о ее похоронах, старушка решила проститься с Тамусей.

Запыхавшись от быстрой ходьбы, учительница подошла к могиле и остановилась неподалеку.

– Убийца!.. Вон отсюда!.. Как вы смели сюда прийти?! – истерически закричал Иван Сергеевич, увидев Егорову. – Это вы довели ее до – гроба. Бездушная тварь!..

Иван Сергеевич бросился к Егоровой, но его успели удержать. Учительница скорбно смотрела на старика. Потом она тихо, почти шепотом, произнесла:

– Вы ошибаетесь, Иван Сергеевич... Я не убийца... Я любила Тамусю и хотела ей только добра. Но я понимаю вашу горе и не обижаюсь на вас... Вам ведь еще тяжелее, чем мне...

Она повернулась к нему спиной и пошла с кладбища. С минуту после этого стояла тяжелая тишина. Понурился, беззвучно плакал Иван Сергеевич. Взрослые и дети, столпившиеся у могилы, старались не глядеть друг другу в глаза. Потом комья земли полетели в могилу, с мягким стуком ударяясь о крышку гроба.

Плотников стоял в стороне. Ему было не по себе. Интуиция следователя подсказывала ему, что Егорова не виновна. Внутренне он был убежден в этом. Смутно догадываясь, что какие-то совсем иные, пока еще неизвестные причины привели девочку к гибели, Плотников вместе с тем был бессилён это доказать. Формально, с точки зрения всех обстоятельств дела, Анастасия Никитична была причастна к самоубийству Тамуси. С другой стороны, положение Плотникова было крайне щекотливо: он и сам опасался, что его отношение к Шуре невольно влияет на его суждение и выводы.

«Я должен быть объективен, я должен забыть все то хорошее, что мне известно о ее матери», – думал Плотников и незаметно для самого себя как раз и терял эту объективность, настраиваясь против Егоровой. Каждый раз, когда ему в голову приходил довод в пользу Анастасии Никитичны, он придирчиво спрашивал самого себя: «А не потому ли я так думаю, что речь идет о Шуриной матери?»

И вот теперь Плотников оказался свидетелем тяжелой сцены, которая разыгралась у свежей могилы. Он жалел Анастасию Никитичну, но понимал и душевное состояние старика.

Когда над могилой вырос свежий холмик, все стали расходиться.

Кладбище опустело. Плотников присел рядом на пень и закурил. Белые кладбищенские березы тихо шумели над ним. Плотников думал все о том же – о смерти Тамуси, о горе ее деда,

об Анастасии Никитичне и о Шуре, которую он не видел уже несколько дней, о войне, которая разгорается все шире. Он объяснил девушке, что до окончания следствия им неудобно встречаться, и Шура – согласилась, с ним. Она ни словом не обмолвилась в защиту своей матери, и Плотников вспоминал теперь об этом с гордостью.

Легкий кашель привлек внимание Плотникова. Он обернулся и увидел старика Шаропова, который тоже остался на кладбище. Иван Сергеевич не видел Плотникова, сидевшего за деревьями. И странно – лицо старика показалось вдруг Плотникову почти спокойным. Иван Сергеевич деловито высморкался, неторопливо размял папиросу, спокойно закурил и затянулся.

Плотникова поразило это удивительное спокойствие старика, который всего несколько минут тому назад весь сотрясался от рыданий, едва держался на ногах и был почти невменяем.

Вернувшись с кладбища домой, Плотников продолжал размышлять об этой разительной перемене в облике Шаропова, и какие-то туманные сомнения возникли у него с новой силой.

Графическая экспертиза установила, что предсмертная записка Тамуси была написана ее рукой. С этой стороны записка не вызвала никаких сомнений. Но кое-что все же казалось в ней Плотникову подозрительным. Плотников не имел еще достаточного следственного опыта, но зато был хорошо подготовлен теоретически. Понимая значение криминалистического опыта в своей работе, Плотников пытался возместить недостаток его, усердно изучая пособия по криминалистике, воспоминания опытных следователей и записки криминалистов. Он понимал, что искусство следователя заключается в умении заметить каждую мелочь, запомнить все детали и, сопоставляя их друг с другом, логически правильно истолковать.

Записка Тамуси была без ее подписи. Известно, что девочки Тамусинового возраста если и решаются в силу каких-то исключительных обстоятельств на самоубийство, то стараются обставить его возможно торжественнее.

«Допустим, – думал Плотников, – что Тамуся и в самом деле решила покончить с собой. Разве она не захотела бы прямо упрекнуть в прощальной записке обидчицу, доведшую ее до самоубийства, и разве, написав об этом, не подписала бы эту записку? Ну конечно, психология девочки ее возраста с повышенной впечатлительностью и некоторой обостренностью рефлексов, хотя бы в силу приближения переходного возраста, должна была продиктовать ей такое письмо. А между тем в записке Тамуси не только нет ее подписи, но даже последняя фраза в ней не закончена, а самый текст в записке залит чернилами...»

В результате этих размышлений Плотников пришел к выводу, что нужно проверить, когда и где именно эта записка была написана и почему она не была закончена.

По показаниям одноклассников Тамуси он точно установил все подробности происшедшего инцидента. Дети припомнили, что по окончании экзамена Тамуся осталась в классе. Тогда Плотников исследовал ее парту и обнаружил, что она сравнительно недавно была залита красными чернилами. Между тем во всех чернильницах в этом классе были налиты фиолетовые чернила. Плотников обратился к школьному сторожу, и тот рассказал ему, как Тамуся попросила красных чернил для какого-то важного письма, как она нечаянно залила парту и письмо этими чернилами и ушла после этого домой.

Убедившись таким образом, что записку свою Тамуся написала днем, за много часов до самоубийства, Плотников решил окончательно проверить этот факт и с этой целью без предупреждения зашел вечером к Ивану Сергеевичу.

– Извините меня, – сказал он старику, отворившему ему дверь, – но мне нужно еще раз осмотреть комнату, в которой произошло несчастье.

– Пожалуйста, – коротко и сухо произнес Иван Сергеевич и проводил Плотникова в комнату Тамуси.

Это была самая обычная провинциальная комната с небольшим рабочим столом, кроватью и шкафом, в котором еще висели платья Тамуси.

Плотников обнаружил, что в чернильнице, которая стояла на столе, были фиолетовые чернила.

– А нет ли у вас в доме красных чернил? – как бы невзначай спросил он Ивана Сергеевича.

– Нет, красных нет, – ответил старик и пытливо взглянул на Плотникова. – А вам, собственно, для чего?

– Дело в том, – ответил Плотников, – что, по вашему утверждению, Тамуся писала свою записку в этой комнате, перед тем как покончить с собой. Между тем записка написана красными чернилами.

Старик еще раз взглянул на Плотникова и, подумав, сказал:

– Да, пожалуй вы правы. Я не заметил в волнении, что записка написана красными чернилами... Значит, я ошибся. Вероятно, Тамуся писала эту записку в другом месте... Впрочем, какое это имеет значение?

Плотников не ответил на этот вопрос. Но он отлично понимал, какое это имеет значение. Было психологически невероятно, чтобы девочка, написавшая записку днем, то есть несколькими часами раньше самоубийства, за это время не успокоилась и не пришла в себя. Кроме того, открытие следователя опровергало первоначальные показания Шарапова об обстоятельствах, непосредственно предшествовавших самоубийству Тамуси.

Но Плотников ничего не сказал старику. Попрощавшись с ним, он пошел к себе на работу.

– Ну, как дела? – спросил его Волков, тоже сидевший в прокуратуре. – Когда ты кончишь дело о самоубийстве?

Плотников сел против Игната Парфентьевича и подробно рассказал ему о возникших у него сомнениях, о сцене на кладбище, о чернилах, о записке, – одним словом, обо всем.

Волков внимательно выслушал следователя и после небольшой паузы сказал:

– Что ж, твои сомнения законны и логичны. Но что отсюда следует? Какова твоя версия?

– У меня еще нет определенной версии, – ответил Плотников, – я ничего пока не могу утверждать. Но я считаю необходимым, чтобы труп Тамуси был эксгумирован и подвергнут повторному судебно-медицинскому вскрытию и чтобы вскрытие это производил специалист, опытный судебно-медицинский эксперт.

– В городе нет такого специалиста, – сказал Волков.

– Знаю. Надо вызвать из области, – ответил Плотников.

Прокурор долго молчал, как бы взвешивая еще раз все доводы следователя, а затем коротко сказал:

– Согласен. Давай телеграмму.

Глава 7

Ночной разговор

Через несколько дней из области приехал судебно-медицинский эксперт. Чтобы избежать кривотолков, Волков и Плотников решили произвести эксгумацию трупа ночью. Было уже около трех часов ночи, когда они пришли на кладбище.

Плотников разыскал могилу Тамуси, и ее начали раскапывать. Эксперт готовил к вскрытию инструменты. Волков налаживал переносный электрический фонарь.

Наконец, заступ глухо стукнул о крышку гроба. Плотников спустился в разрытую могилу, обвязал гроб веревкой и крикнул, чтобы поднимали. При тусклом свете слабого электрического фонаря извлеченный из могилы гроб раскрыли и вынули из него труп девочки. Эксперт приступил к работе. Плотников огляделся вокруг со странным чувством. Ему еще ни разу не приходилось присутствовать при ночной эксгумации.

Светлый круг фонаря только подчеркивал глубокую темноту, в которую было погружено кладбище. В руках эксперта тускло поблескивал скальпель, которым он быстро и уверенно работал. Волков стоял в стороне, терпеливо ожидая конца вскрытия. Изредка он поворачивал фонарь, который держал в руках, и тогда луч света вырывал из темноты кладбищенские березы и могильные кресты. Было очень тихо, но и самая тишина эта была какая-то тревожная, насто-роженная, какая бывает только ночью, на кладбище.

– Нашел! – воскликнул вдруг эксперт, и Плотников, а за ним и Волков бросились к нему. – Все теперь ясно...

И эксперт начал показывать и объяснять. Горловые хрящи девочки были сломаны. Это был тот хорошо известный криминалистам типичный перелом, который происходит, когда жертву душат за горло руками. Странгуляционная же борозда на шее Тамуси была выражена очень слабо.

– Ясно, – заключил эксперт, – что девочку сначала душили руками и только потом, когда она уже потеряла сознание, на нее накинута петля, чтобы инсценировать самоубийство. Случай очень интересный. Убийство путем насильственной асфиксии с последующим инсценированием самоубийства. Аналогичный факт описан у Крюкова...

Уже на рассвете, когда все формальности были закончены и эксперт подписал протокол эксгумации и свое категорическое заключение, Плотников получил санкцию прокурора на производство обыска в квартире Ивана Сергеевича Шарапова. Написав постановление, Плотников взял с собой двух милиционеров и направился к старику. Около семи часов утра он подошел к домику Шарапова. На стук минут через пять вышел заспанный Иван Сергеевич. Увидев Плотникова и милиционеров, он слегка побледнел.

– Что такое? – спросил он. – Что случилось?

– Ничего не случилось, – ответил Плотников. – Но мне нужно произвести у вас обыск. Вот постановление и санкция районного прокурора.

Обыск уже подходил к концу, но поиски были безрезультатны. Не было найдено решительно ничего такого, что могло бы представлять интерес для дела, что проливало бы хоть немного света на причины гибели Тамуси. Иван Сергеевич молча, злыми глазами наблюдал за тем, как Плотников перелистывал книги, знакомился с документами и старыми фотографиями, рылся в древних сундуках.

Комната Тамуси и смежная с нею столовая были уже обысканы, и сейчас обследовалась личная комната Ивана Сергеевича, в которой стояли его кровать, шкаф с книгами и рабочий стол.

Время от времени Плотников задавал Ивану Сергеевичу вопросы, относящиеся к вещам, обращавшим на себя его внимание. Иван Сергеевич отвечал на эти вопросы коротко и одно-

сложно, подчеркивая этим свое возмущение обыском. Однако при этом он был абсолютно спокоен, как человек, уверенный в том, что ему решительно нечего бояться. И только один раз Плотников уловил искру, мелькнувшую в его глазах. Это случилось в ту минуту, когда следователь обнаружил среди кипы старых открыток вид города Брауншвейга.

– Вам приходилось бывать в Брауншвейге? – спросил Плотников.

– Нет, я не бывал за границей, – ответил Иван Сергеевич и тут же добавил: – У меня есть виды и многих других городов: Парижа, Венеции, Рима...

И в самом деле, среди открыток были виды всех этих городов.

В сундуке среди старых документов и журналов Плотников обнаружил вырезанные из «Нивы» фотографии первого русского многомоторного самолета «Илья Муромец».

– Вы, я вижу, интересовались авиацией? – спросил Плотников.

– Интересовался, – ответил Иван Сергеевич. – В то время все ею интересовались. Впрочем, вы, вероятно, этого не помните.

Наконец, обыск закончился. Плотников присел к рабочему столу Ивана Сергеевича, чтобы написать протокол. Стол был завален гербариями, банками и какими-то жучками, старыми конденсаторными лампами, маленькими аккумуляторами, предохранителями и всякой другой радиорухладью.

– Вы радиолобитель? – спросил Плотников.

– До войны увлекался. Потом пришлось сдать приемник, – все в том же подчеркнуто сухом и лаконичном тоне ответил Иван Сергеевич.

Сев к столу, Плотников чуть подвинул его, чтобы было удобнее, и заметил, что стол, сдвинувшись одной стороной, остался неподвижен с другой. Сделав вид, что он не обратил на это внимания, Плотников попробовал его сдвинуть. Но левая ножка стола была словно прикреплена к одной точке. Тогда он уже с силою начал двигать стол. Выяснилось, что его левая передняя ножка действительно прикреплена к полу. Плотников приподнял стол и увидел, что через эту ножку под пол пропущен какой-то провод. Иван Сергеевич молча сидел в стороне.

– Что это за провод? – опросил его Плотников.

– От старого приемника. Заземление, – ответил старик.

Ответ был правдоподобен. Тем не менее Плотников поднял половицу, следуя за проводом. Раскапывая землю, Плотников все больше обнажал провод и, наконец, обнаружил какой-то сколоченный из досок ящик. Иван Сергеевич продолжал хранить угрюмое молчание.

Достав топор, Плотников оторвал доски от ящика и увидел довольно большой, поблескивающий никелем и эбонитом радиопередатчик фирмы «Телефункен»...

Глава 8

Экскурсия в прошлое

Иван Сергеевич сидит перед столом следователя, прямо против него, и не спеша затягивается дымом предложенной ему папиросы, стараясь спокойно отвечать на вопросы. Иногда он делано смеется, но смех этот горек: старый рот неохотно раздвигается в кривой усмешке, а в глубине зрачков притаился плохо запрятанный ужас, страх перед неизбежным наказанием, досада на свое поражение и – удивительная вещь! – искра надежды. Да, надежды, потому что обвиняемый не перестает надеяться даже тогда, когда его планы потерпели полное крушение и рассудок ясно говорит ему, что расплата неизбежна.

Шарапов был слишком умен для того, чтобы после обыска продолжать сопротивление. Он не находил уже в этом смысла и не чувствовал той фанатической одержимости, благодаря которой иногда обвиняемый, вопреки фактам и доказательствам, вопреки собственной выгоде и расчету на «чистосердечное признание», вопреки всему, коротко говорит «нет», не желая назвать ни одного факта, ни одного имени, ни одного адреса, хотя отлично понимает, что ему не верят и что в его виновности сомнений нет.

Шарапов сразу стал рассказывать все. Он рассказал о выпускном бале брауншвейгской офицерской школы, о том, как вновь произведенный офицер императорской армии Ганс Шпейер уехал, не простившись ни с кем, в маленький городок на Рейне, где еще два года проходил обучение в секретной школе германской разведывательной службы; в этой школе он тренировал свою память, изучал чертежное дело и фотографию, зубрил шифровальные коды, совершенствовался в русском языке и дополнительно ко всему этому овладел профессией землемера.

И вот в августе 1913 года в Гатчинской земской управе появился новый молодой землемер Иван Сергеевич Шарапов. Появился он неожиданно, с назначением из Петербурга, прямо из министерства земледелия, и в управе поговаривали, что новый землемер – лицо влиятельное, с весьма значительными связями. Несмотря на это, он расположил к себе всех своей скромностью, редкостной исполнительностью и примерным образом жизни. Был он очень общителен и отменно воспитан, почтительно относился к старшим, охотно угощал сослуживцев, прекрасно играл в преферанс, умел делать комплименты дамам и весело ухаживать за барышнями. Добавьте к этому приятную наружность, точность и аккуратность, поразительную в этом возрасте солидность – и вы поймете, почему очень скоро после своего появления в Гатчине Иван Сергеевич стал считаться душой общества и завидным женихом.

И в самом деле, через каких-нибудь пять месяцев Иван Сергеевич сделал предложение очень милой барышне, Маше Онисимовой, дочери гатчинского полицмейстера, получил согласие ее и родителей и вступил в законный брак.

После свадьбы он отлично зажил с молодой женой в небольшом домике у парка, полученном в приданое. Он завел широкие знакомства в среде местных чиновников и офицеров гатчинской военной воздухоплавательной школы. На вечеринках, которые очень любили и отлично, умели устраивать Иван Сергеевич и его молоденькая хорошенькая супруга, было неизменно уютно и весело; молодежь любила у них собираться, выпивать по маленькой, заложить польский банчок, петь хором под гитару: «Ах, зачем эта ночь так была хороша...», танцевать только входившее тогда в моду «танго смерти», декламировать Бальмонта:

*«Заводь спит, молчит вода зеркальная,
Только там, где дремлют камыши,
Чья-то песня слышится печальная,
Как последний крик души...»*

Любили также шумной компанией выезжать в окрестности Гатчины на пикники.

Иван Сергеевич импонировал и своей образованностью; он был аккуратным подписчиком «Нивы» со всеми ее приложениями, отличался любознательностью и проявлял, между прочим, большой интерес к воздухоплаванию и авиации – к «аппаратам тяжелее воздуха», как тогда было принято называть самолеты. В те времена увлечение авиацией было широко распространено в России. Со страниц газет не сходили портреты одного из первых русских авиаторов – Сергея Уточкина, лихого одессита, разъезжавшего по стране и показывавшего публике опытные полеты. Гатчинская воздухоплавательная школа являлась центром тогдашней авиационной жизни. В ней обучался знаменитый Петр Николаевич Нестеров, летчик, впервые сделавший «мертвую петлю» и впоследствии геройски погибший на фронте. В мастерских школы секретно строился опытный экземпляр первого в мире многомоторного самолета «Илья Муромец».

«Илья Муромец» чрезвычайно интересовал немецкую разведку. В самом деле, самолет этот был по тем временам огромным событием. В Европе досадовали, что именно русские первыми дерзают строить многомоторный самолет. В Германии предвидели, что в будущей войне, которую тайно подготавливал Берлин, эта машина сыграет немалую роль.

Ганс Шпейер понимал всю серьезность полученного им задания. Он завел дружбу со многими офицерами гатчинской школы и часто встречался с ними. Ему удалось точно выяснить, что «Илья Муромец» строится в мастерских школы. Но проникнуть в эти мастерские, а главное – добыть чертежи и расчеты самолета оказалось делом очень трудным.

В Берлине нервничали и поторапливали «землемера». Все возможные способы получения чертежей самолета были исчерпаны и не дали должных результатов. Даже в военном министерстве не знали толком, что же будет представлять собой этот загадочный самолет.

Наступило лето 1914 года, последнее мирное лето. Переполненные поезда привозили по воскресеньям из столицы нарядную публику. В парке щебетали птицы и барышни. Военный оркестр без отдыха исполнял томные вальсы и тягучие танго. Роскошные дамы в огромных шляпах с перьями, похожих на вороньи гнезда, тонкие, бледные петербургские аристократы, щеголеватые студенты, элегантные купчики в блестящих котелках или соломенных канотье, вертлявые столичные модистки, дорогие кокетки и «звезды» из столичных кафешантанов, надменные гвардейские офицеры в мундирах с иголочки и лакированных сапогах, картавящие штатские пшюты и перезрелые гимназисты гуляли стаями по аллеям парка, любовались мотоциклетными гонками, толпились в гатчинских кафе и кондитерских, флиртовали, сплетничали и вообще развлекались как могли.

В Берлине кайзер Вильгельм нетерпеливо пощипывал усы, рассматривая последние варианты планов генерального штаба. Германская разведка лихорадочно подводила итоги полученных донесений. Генералы тайно примеряли походные мундиры. Под видом летних маневров немцы проводили мобилизацию и поспешно сколачивали новые дивизии. Лето стремительно катилось к июлю, к военной катастрофе. А молодой «землемер» так и не мог получить чертежей и расчетов «Ильи Муромца».

– Как же вы объясняли свою бездеятельность начальству? – спросил Плотников, с интересом слушавший подробный рассказ Шарапова.

– Каждую неделю, гражданин следовательно, – ответил Шарапов, – повторяю, каждую неделю я докладывал немецкой резидентуре в Петербурге о тщетности своих усилий. Нужно сказать, что мое начальство понимало трудность задания. Ведь чертежи самолетов и до меня старались получить, но не сумели.

– Я знаю, – сказал Плотников.

– Когда началась война, производство самолетов было передано Русско-балтийскому заводу. «Ильи Муромцы» были все же построены и пущены в дело. На фронте они произвели фурор.

– Все это известно, – перебил его Плотников, – вы рассказывайте о себе. Что вы делали дальше?

Иван Сергеевич начал опять рассказывать. Он рассказал, как переехал после войны в Петроград, где устроился работать на Русско-балтийском заводе. Ему удалось получить там данные о количестве пущенных в производство самолетов и некоторых других видов вооружения. Его деятельность была одобрена. Несколько позже он выехал в одну из западных губерний, где передал ряд шпионско-диверсионных заданий немецкой агентуре, насажденной в этих районах под видом колонистов, мельников, хуторян, аптекарей, владельцев небольших пивоваренных заводов, колбасных и т. п.

– Надо сказать, – продолжал Иван Сергеевич, – что в царской России была огромная сеть германской разведки. Не было буквально ни одного города, ни одного уезда, где бы под той или иной личиной, под тем или иным прикрытием не жил немецкий агент. И вот мне был выделен целый район, в котором я встречался с нашей агентурой, передавая ей задания. Так пролетели три года, и пришла революция. Был заключен Брестский мир. Мое начальство внезапно исчезло из Петрограда. Я растерялся и выжидал, не имея определенных инструкций. Так продолжалось до осени тысяча девятьсот восемнадцатого года. Однажды – это было в ноябре – в дверь моей квартиры постучались поздно ночью. Я уже спал. Жена открыла посетителю двери и разбудила меня. Я вышел в переднюю и увидел... господина Бринкера, моего «крестного папашу». Мы прошли с ним в отдельную комнату. Он поздравил меня с первым Железным крестом и капитанским званием. «Сейчас смутное время, – сказал он. – Германия проиграла войну. Но придет день, и она возьмет реванш. Немецкая разведка на время сворачивается, но отнюдь не перестает жить. Будем ждать». Бринкер добавил, что Германия не успокоится, пока не возьмет реванша, и что к этому реваншу надо уже теперь готовиться. Надо заранее насаждать агентуру германской разведки, создавая «опорные точки» для будущей войны. И он предложил мне «законсервироваться» – уехать в какой-нибудь небольшой городишко, не слишком далеко от границы, мирно жить и тихо работать, вращаясь в быт этого городка и... ждать указаний. Вот и все. Я приехал в Зареченск и с тех пор живу здесь. Жена вскоре скончалась от тифа. Я остался один с дочерью. Я вырастил дочь, рано выдал ее замуж, но неудачно. Она скоро умерла, оставив мне Тамусю, и, поверьте, я любил девочку, И если бы не эта страшная ночь...

– Почему вы убили Тамусю? – спросил Плотников.

– Это случилось внезапно для меня самого. Поздно ночью я пришел домой из клуба. Тамуся спала одетая. Я прочел ее письмо, которое лежало на столе. Потом я прошел к себе в комнату и начал работать с передатчиком. Дело в том, что за последний месяц у меня скопился материал для передачи.

– Но вы забыли рассказать, как и когда вы получили этот передатчик, – напомнил Плотников.

– Вы правы. Я немного рассеян, – ответил старик. – Это случилось в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. Однажды ко мне приехал человек из Смоленска, которого я совершенно не знал. Он объявил мне, что период консервации кончился и что обо мне помнят. Он передал мне приказ Берлина приступить к работе и вручил передатчик. Он же научил меня, как с ним работать. До сих пор мои функции заключались в том, чтобы передавать по радио получаемые от нескольких точек данные в определенные дни. Передача производилась шифром, по короткой волне. С этого и началась моя новая работа. И вот в эту ночь, передавая очередные сведения, я увлекся... Может быть, это произошло из-за усталости. Незаметно для самого себя я стал вслух произносить то, что выстукивал ключом. Вдруг я услышал детский

крик: «Дедушка, что ты делаешь?» Обернувшись, я увидел Тамусю. Она стояла на пороге моей комнаты. Я страшно испугался и, не отдавая себе отчета в происходящем, бросился на нее. Потом вдруг вспомнил об этой записке и решил инсценировать самоубийство. Остальное вы знаете...

Иван Сергеевич замолчал и тупо уставился в угол комнаты. Руки его чуть заметно подрагивали. На виске набухла и трепетно пульсировала старческая фиолетовая жилка. Под глазами отчетливо обозначились набрякшие мешки. Он тяжело дышал. Плотников наблюдал за ним. Некоторое время они молчали, а затем Иван Сергеевич тихо сказал:

– Вот, собственно, и все. Я сам не знаю, для чего я опять взялся за это. Молодость давно прошла, а вместе с нею ушел в вечность и Ганс Шпейер. Эти тридцать лет не прошли даром, гражданин следователь! Вы поймите, русским я был больше времени, чем немцем. Я забыл Германию, я не помню, какая она, иногда мне кажется, что я никогда в ней и не был, что все это сон, чепуха, вымысел... Одним словом, верьте мне, я не могу логически объяснить случившееся. Я уже стар. Впереди у меня нет ничего, кроме могилы. Не думайте, что я хочу вас разжалобить. Это все – правда. Боже мой, как бессмысленно и нелепо прожита жизнь! Я выкурил ее, как дешевую папиросу, и теперь от нее не осталось ничего, даже дыма...

Шарапов опустил голову на стол и заплакал бессильными, старческими слезами.

– Теперь уже поздно плакать, – произнес Плотников, – теперь надо отвечать.

– Я знаю, – сказал Шарапов.

– У вас были в течение этого года люди оттуда? – спросил Плотников.

– Нет, – ответил старик, – не были. Но я не хочу вас обманывать и потому должен сказать, что с неделю тому назад я получил открытку, в которой какой-то племянник Миша извещал меня о своем скором посещении. Я понял, что ко мне приедет немецкий агент. По имеющемуся в открытке обратному адресу я ответил, что буду рад видеть дорогого племянника. Черт бы их всех побрал – этих «крестных отцов» и неожиданных «племянников»!

Плотников задумался. По всей видимости, старик рассказывал правду и выложил все, что знал. Будучи разоблачен, он уже не представлял особого интереса. Но имело смысл заполучить его «племянника». Во всяком случае, об этих новых обстоятельствах надо было, немедленно доложить.

Плотников написал протокол показаний Шарапова и дал его на подпись старику. Тот долго читал протокол и со старческой аккуратностью подписывал страницу за страницей. Наконец, дойдя до заключительной фразы: «Записано с моих слов верно и мною прочитано», он расписался в последний раз.

– На сегодня хватит, – коротко сказал Плотников и, вызвав конвоира, отправил старика в тюрьму.

Глава 9 «Племянник Миша»

Органы, которым следователь Плотников сообщил о показаниях Шарапова – Шпейера, естественно, заинтересовались «племянником Мишей». Среди переписки старика была действительно обнаружена открытка, в которой «племянник» уведомлял «дядюшку» о своем предполагаемом приезде.

Эта открытка, как показывал почтовый штемпель, была отправлена из Москвы за несколько дней до ареста Шарапова.

После того как были обсуждены все возможные способы заполучить «племянника», решили, что лучше всего подждать его в доме Шарапова. И вот в домике этом, на тихой боковой улочке, спокойно поселился какой-то пожилой человек, одного возраста с Иваном Сергеевичем и даже имеющий с ним некоторое внешнее сходство. Новый обитатель дома мирно возился в своем огороде, мало показывался, не заводил знакомств с соседями и вообще ничем не возбуждал любопытства. Он так же, как и Шарапов, немного сутулился, был по-стариковски добродушен, домовит, аккуратен и немногословен. Одежда его была тоже соответствующей: он носил старый мешковатый костюм или холщовую толстовку и в жаркие дни пользовался соломенной каской с двумя козырьками, которые в провинции именовались обычно «здравствуй-прощай».

Одним словом, ни в облике, ни в манерах, ни в поведении этого пожилого спокойного человека не было ничего такого, что выдавало бы советского разведчика с огромным опытом, и большой школой, человека, за плечами которого были царская каторга, партийное подполье, два побега из деникинской контрразведки и многие годы героической чекистской работы.

Человека этого звали Сергеем Михайловичем. Фамилия его была Амосов. Впрочем, с того момента как Амосов поселился в маленьком домике Ивана Сергеевича, он стал называться Иваном Сергеевичем.

О характере человека можно судить по его вещам, так же как о вещах – по характеру их владельца. В подборе вещей, в обращении с ними всегда сказывается человек, его вкус, его привычки, его склонности и слабости. Но и вещи, окружающие человека, в свою очередь, влияют на его характер.

Поселившись в доме Ивана Сергеевича, Амосов присматривался к этому дому и к находившимся в нем вещам с настойчивым любопытством исследователя и с бдительностью человека, который не даст себя обмануть ни вещам, ни людям. Ивана Сергеевича Амосов видел в кабинете Плотникова несколько раз. Он запомнил походку Шарапова, его манеру разговаривать, его лицо. Здесь, в доме Ивана Сергеевича, Амосов пытливым изучал его вещи, его книги, его почерк, его фотографии. Все это делалось потому, что Амосову впредь предстояло играть роль Ивана Сергеевича, действовать в качестве Ивана Сергеевича, казаться Иваном Сергеевичем. И Амосов, как говорят актеры, «входил в образ» того человека, которого он должен был изображать. Из показаний Шарапова ему было известно, что немцы с 1918 года не посещали Шарапова, не имели его фотографий и, следовательно, не представляли себе его теперешнего внешнего облика. Так же как и Плотников, Амосов верил показаниям Шарапова. И теперь он с нетерпением ожидал приезда «племянника».

Прошло уже больше месяца, а «племянник» все не появлялся. Наконец, однажды в поздний час, почти на исходе ночи, осторожный стук в окно разбудил Амосова. Прислушавшись, он убедился, что и в самом деле кто-то очень тихо, но настойчиво стучал в стекло. Амосов быстро оделся и, не зажигая света, прильнул к оконному стеклу. Перед окном в серых сумерках уходящей ночи он разглядел смутные контуры высокой мужской фигуры. Амосов открыл форточку и спросил:

– Кто там?

– Это я, дядя, – ответил шепотом неизвестный.

– Миша! – воскликнул Амосов и, выбежав в сени, быстро отворил дверь.

Мужчина, оглянувшись, подбежал к нему, и Амосов протянул ему руку. Они с любопытством разглядывали друг друга, насколько это было – возможно в полумраке. Потом Амосов проводил своего гостя в комнату и зажег керосиновую лампу. Перед ним стоял высокий, тонкий человек, с длинным, вытянутым лицом. Его глаза смотрели внимательно и пытливо. Он был одет в форму железнодорожника.

– Ну, как ты, Миша, доехал? – очень спокойно и совершенно серьезно спросил Амосов.

– Ничего, – коротко ответил «племянник», одобрительно улыбнувшись серьезному тону старика. – Прилично. Как вы, дядюшка, живете? Давненько я вас не видал.

– Может быть, ты закусишь с дороги? – спросил Амосов.

– С наслаждением, – ответил «племянник». – Признаться, я здорово проголодался. Нет, дядюшка, вы просто прелесть!..

Амосов достал из буфета хлеб, колбасу, масло. Потом он зажег примус и поставил чайник. Гость молча курил. Время от времени они встречались взглядом и почти нежно улыбались друг другу.

– Вы живете один, дядя? – спросил гость.

– Один, – ответил Амосов и, подумав, повторил: – живу один.

Потом «племянник» стал закусывать. Ел он быстро и жадно. Амосов любезно пододвигал к нему тарелки с едой.

Наконец, гость насытился и снова закурил. Отхлебнув из стакана горячего чая, он внимательно посмотрел на Амосова и спокойно сказал:

– Итак, перейдем к делу. Я приехал к вам с очень серьезным поручением от нашего общего начальства. Мне приказано передать вам, Иван Сергеевич, что положение, создавшееся на этом участке фронта, диктует необходимость ряда срочных мероприятий. Согласно вашим же собственным донесениям, в районе Зареченска дислоцированы крупные советские резервы. Судя по некоторым данным, в ближайшие дни русские попытаются перебросить эти резервы в район военных действий. Задача заключается в том, чтобы...

Глава 10

Конкретное задание

Пока «племянник» излагал цель своего приезда и конкретное задание, которое ему поручено было передать Ивану Сергеевичу, Амосов с интересом разглядывал своего гостя, не переставая в то же время внимательно слушать его.

«Племянник», по-видимому, был из прибалтийских немцев. Однако он отлично, без всякого акцента говорил по-русски, и только его длинное остзейское лицо, чрезмерно тонкие губы и какая-то особая бесцветность тусклых глаз, называемых у немцев голубыми, выдавали наблюдательному Амосову его происхождение. Свою мысль «племянник» излагал четко, без лишних слов, с какой-то особой, тоже чисто немецкой аккуратностью. На вид ему было лет тридцать пять, не больше.

Задание касалось нескольких эшелонов с боеприпасами, ожидавших в районе Зареченска указаний о дальнейшем маршруте. Эти боеприпасы немцы решили ликвидировать. План их имел своей целью, с одной стороны, оставить весь этот район фронта без боеприпасов, а с другой – вызвать панику в Зареченском районе, который уже стал прифронтовым.

– Мне поручено передать вам, – сказал «племянник», – что задание должно быть выполнено в самом срочном порядке. Стратегическая обстановка на данном участке фронта такова, что недели через две Зареченск будет уже в наших руках. Наступление идет в отличном темпе. И ваша задача – ускорить события.

– Где именно находятся эшелоны? – спросил Амосов.

– Точно мы этого не знаем. Достоверно установлено только, что они в районе Зареченска. По-видимому, они стоят на одном из ближних разъездов или полустанков. Вряд ли боеприпасы сконцентрированы в самом городе. Я постараюсь облегчить вашу задачу. Именно потому я и явился к вам в роли железнодорожника. У меня, помимо формы, отличные документы. Вот посмотрите...

Амосов ознакомился с документами «племянника». В них было указано, что инженер службы тяги Н-ской железной дороги Михаил Петрович Скорняков командирится в прифронтовые районы Н-ской области для инспектирования паровозного парка. Документы действительно были отлично сделаны и имели безупречный – вид.

– А как с техникой? – спросил Амосов.

– При мне несколько килограммов тола, – ответил «племянник». – На первое время этого более чем достаточно. Но дело не в этом. Имеются ли у вас надежные люди?

– Вам должно быть известно, – ответил Амосов, – что я не имел права ни с кем вступать в контакт. Я был законсервирован и все эти годы работал один, и то лишь по связи.

– Знаю. Однако, прожив в этой дыре столько лет, вы, конечно, завели прочные знакомства, изучили людей, присмотрелись к ним?

– Людей я знаю, но никого твердо рекомендовать не могу. Впрочем, надо подумать. Я не был подготовлен к такому делу.

На этом первый разговор окончился. Амосов предложил своему гостю отдохнуть, и тот с радостью принял это предложение. Устроив «племянника» в спальне и убедившись, что он заснул, Амосов вышел во двор и принялся обдумывать создавшееся положение. Сразу арестовать «племянника» не имело смысла. Он, вероятно, еще не все рассказал: не было выяснено, имеет ли он в Зареченске еще какие-нибудь явки, кроме Шаропова. Судя по внешности и манерам этого человека, он был далеко не рядовым шпионом. Приехал он из Москвы, где, по его словам, он жил много лет. Следовательно, он в Москве должен был иметь связи и корни, которые необходимо было выяснить. При этих условиях имело смысл продолжать игру.

Опасность таилась в данном случае в том, что «племянник» мог случайно узнать от кого-либо из зареченцев, что принял его вовсе не Иван Сергеевич Шарапов.

Тщательно обдумав всевозможные варианты и взвесив могущие встретиться осложнения, Амосов решил продолжать игру, приняв все меры к тому, чтобы никакая случайность его не выдала.

«Племянник» проснулся в полдень. Амосов предложил ему закусить еще раз. За столом оба выпили и снова разговорились.

Гость, по-видимому, ни в чем не сомневался. Амосов ловко вставлял в разговор воспоминания о брауншвейгской школе, пароли прошлых лет, позывные передатчика – одним словом, все то, что было ему известно из показаний Шарапова.

– Вы прошли хорошую школу, – произнес «племянник», – надо сказать, что старые кадры немецкой разведки были отлично подготовлены. В этом смысле наше поколение может вам только позавидовать.

– Ваша работа – лучшая школа, – возразил Амосов. – Ну что толку было получать специальное образование? Я сидел в провинции много лет, в сущности ничего не сделал, постарел и многое уже забыл. Ведь я даже старался не разговаривать по-немецки.

«Племянник» улыбнулся и тут же заговорил по-немецки. Амосов, хорошо владевший этим языком, по-немецки же ему ответил. После нескольких фраз «племянник» оказал, что Иван Сергеевич скромничает, так как отлично владеет родным языком.

– А мне казалось, что я утратил немецкое произношение, – сказал Амосов. – Приятно, что это не так. По-видимому, муттершпрахе не забывается. Впрочем, я всегда старался думать по-немецки. А вот вы владеете русским языком, как – родным.

– Это не удивительно, – сказал «племянник», – я все последние годы прожил в Риге. А там русский язык и до советизации Латвии был в обиходе. Кроме того, я в свое время учился в русской школе. Однако, Иван Сергеевич, хорошо бы поразмять ноги. Далеко ли отсюда вокзал?

– В двух километрах, – ответил Амосов, – Кстати, вы посмотрите город. Пойдемте, я вас провожу.

Они вышли на улицу. Стоял жаркий сентябрьский день. На дворе почти никого не было.

– Здесь довольно пустынно, – произнес «племянник». – Что, так всегда?

– Провинция, – ответил Амосов. – А кроме того, в это время дня гуляющих нет, да и живу я почти на окраине. Вот в центре города будет поживей. Нам как раз нужно пройти по центральной улице.

На центральной улице было действительно гораздо оживленнее. С вокзала тянулась длинная колонна военных грузовиков, по-видимому только что сошедших с железнодорожных платформ. «Племянник» внимательно разглядывал машины, нагруженные, доверху какими-то ящиками.

– Мы удачно вышли, Иван Сергеевич, – сказал он. – Как видите, прибыла большая партия боеприпасов. Пройдемте на вокзал и постараемся выяснить, откуда прибыл эшелон. Кстати, хорошо бы узнать, куда направляются эти грузовики. Вы не в курсе дела?

– Нет, – ответил Амосов. – Знаю только, что отсюда дорога на Ольховский большак. Но там, по-моему, нет никаких складов.

Когда они пришли на вокзал, там еще продолжалась разгрузка прибывшего эшелона. С длинных товарных платформ осторожно сползали по подставленным доскам тяжелые грузовики.

Эшелон был большой, в сто платформ. «Племянник» обошел весь состав, а затем вызвал старшего кондуктора эшелона. Когда тот подошел, «племянник» предъявил ему документы.

– Как работали стоп-тормоза? – деловито спросил он. – На подъемах тяга не подводила?

– Нормально шли, – коротко ответил кондуктор.

– По пути меняли паровоз?

– Нет, шли одним, – ответил кондуктор.

– В каком депо брали?

– В Н-ске, – ответил кондуктор. – Там и состав формировался.

Больше «племянник» вопросов не задавал. Немного погодя он вынул записную книжку и отметил название станции, в которой, по словам кондуктора, формировался состав, и названное ему Амосовым Ольховское шоссе.

После этого он зашел к начальнику станции и снова предъявил свои документы. Начальник по его требованию доложил ему, как обстоит дело с маневровыми и резервными паровозами.

Эти данные представляли для «племянника» большой интерес, так как по ним он мог получить представление о грузообороте станции, а главное – о предполагаемых перевозках.

– Если в такое время они держат здесь столько резервных и маневровых паровозов, – объяснил он потом Амосову, – то несомненно, что эшелоны, о которых я вам говорил, находятся где-то неподалеку и в любой момент могут быть переброшены к фронту... По-видимому, что-то готовится, так как, по словам начальника станции, вчера прибыло сюда без его заявки пять паровозов. Нам надо торопиться.

Он оказался прав. Когда они вернулись в город, то заметили, что в райкоме, в районном совете и в других учреждениях грузят дела и ценный инвентарь на грузовики.

Служащие толпились у машин с взволнованными лицами.

Было ясно, что некоторые учреждения готовятся к эвакуации.

Потом им встретилась колонна грузовиков, направлявшаяся к вокзалу.

Машины везли станки, оборудование лесопильных заводов и фанерного комбината.

– Мне кажется, – оказал «племянник», – что уже идет эвакуация учреждений и оборудования местных заводов. Уж не подходят ли наши?.. Надо спешить со взрывом.

Амосов ничего ему не ответил. Он и сам понимал, что началась срочная эвакуация Зареченска. И именно поэтому он ни на минуту не оставлял «племянника», решив любой ценой предотвратить взрыв железнодорожных составов. А к вечеру на станции Зареченск не осталось ни одного из воинских эшелонов.

Глава 11

Эвакуация

Приказ военного командования об оставлении Зареченска и спешной эвакуации учреждений и промышленного оборудования был получен внезапно. В суточный срок должно было быть перевезено наиболее ценное имущество и все дела советских учреждений. Промышленное оборудование должны были сопровождать рабочие соответствующих предприятий. Линия фронта стремительно приближалась к городу.

Поздно ночью, когда подвыпивший за ужином «племянник» спал – мертвым оном, Амосов вышел из дому и в условленном месте встретился со своим начальником. Последний информировал Амосова о полученном приказе и спросил его, как идут дела.

Амосов доложил начальнику о цели прибытия «племянника» и обо всем, что он успел за это время у него выведать.

– Его можно взять хоть сейчас, – сказал он, – но вряд ли это целесообразно. Несомненно одно: он абсолютно мне доверяет. Шарапов не обманул нас. По-моему, имеет смысл продолжать игру и вести ее как можно дольше. Упустить такую возможность было бы ошибкой.

– Вы считаете, что вам имеет смысл остаться в городе? – спросил начальник, сразу понявший план Амосова.

– Имеет смысл, – ответил Амосов. – Ну подумайте сами. Возьмем мы этого мерзавца, конечно одним прохвостом будет меньше. Но что же дальше? Между тем если остаться с ним и войти полностью в доверие к немцам, мы выясним очень многое, а главное – сумеем немало сделать. Кроме того, ведь останется в Зареченске и подпольная партийная группа, а в районе будет действовать партизанский отряд. И тем и другим будет полезно иметь верного человека, которому немцы доверяли бы вполне. По-моему, имеет смысл.

Предложение Амосова было принято. Договорившись о подробностях, условившись о форме и технике связи и получив адреса и фамилии нескольких лиц, Амосов простился с начальником. На прощанье они молча пожали друг другу руки и обменялись долгим взглядом.

Было уже совсем поздно, когда Амосов пошел к себе домой. В черном сентябрьском небе тревожно вспыхивали зарницы далеких орудийных выстрелов. Гул артиллерийской стрельбы доносился еще слабо, но багровые вспышки уже предостерегали город о приближавшейся опасности. Несмотря на поздний час, эвакуация была в самом разгаре. По темным ночным улицам тянулись колхозные стада, на скрипящих телегах ехали старики и дети, женщины, понуриив головы, шли за ними. Городские жители зарывали в ямы наиболее ценное имущество. Плач детей, рев испуганного скота, скрип телег и тревожное ржание лошадей сливались в одну горькую симфонию.

Амосов подошел к своему дому и остановился у калитки. Движение на улице не прекращалось. Страшная беда приближалась к городу с каждым часом. И в ожидании этой беды, готовый встретиться с нею лицом к лицу, оставался в Зареченске этот спокойный пожилой человек.

Но немцы пришли раньше, чем их ждали. Не все объекты, намеченные к эвакуации, удалось вывезти. В частности, не успели эвакуировать заключенных городской тюрьмы.

В этот сентябрьский вечер тяжелый немецкий снаряд начисто скосил угол тюремного здания. Растерявшись от свободы, явившейся к ним столь неожиданно, заключенные столпились у ворот тюрьмы, точнее – у того, что осталось от этих ворот. Напротив полыхали дома, зажженные снарядами. В багровом зареве пожара мелькали, как на экране, темные фигуры жителей, бежавших от врага.

Первыми влетели на улицу Зареченска мотоциклисты-эсэсовцы. Они непрерывно и беспорядочно стреляли из автоматов, укрепленных на рулях их машин. На перекрестке один из них круто затормозил и, спрыгнув с мотоцикла, бросился к женщине, которая бежала с ребенком и большим узлом. Выкрикивая что-то на своем языке, фашист стал вырывать из рук женщины узел. Девочка, которую женщина держала за руку, заплакала и стала помогать матери, не желавшей отдавать свое последнее добро. Обернувшись к ребенку, эсэсовец раскроил ему череп прикладом своего автомата.

Это произошло мгновенно, на глазах у заключенных, все еще стоявших возле тюремных ворот. Многие из них хорошо знали эту девочку. Она жила напротив городской тюрьмы и часто играла на улице. Заключенным было известно, что девочку зовут Женей, и слова детских песенок, которые она любила распевать, знали в тюрьме наизусть. Порой, когда Женя начинала петь, камеры дружно подхватывали песню.

И вот теперь эту девочку убил белокурый фельдфебель.

Мать Жени закричала так страшно, так пронзительно, что крик ее, сразу заглушивший треск стрельбы, казалось, прорезал весь объятый тьмою город от края до края.

И в то же мгновение, не раздумывая, не сговариваясь, даже не оглянувшись, заключенные бросились на фельдфебеля.

Едва успев вскинуть автомат, он тяжело рухнул на землю.

А заключенные пошли на восток.

Они пошли на восток так же, как бросились на эсэсовца, – не раздумывая, не сговариваясь, не рассуждая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.